Марюс Ивашкявичюс

Восход богов

Театральное расследование военного преступления

Первое действие

На сцене семь актрис. Все они из разных театров, разных постсоветских стран. Им командует Голос – уставший от жизни мужчина лет 40-50. Его внутренний текст печатается на заднем экране.

1.Кастинг

(печатается бегущей строкой на экране)

Которая из них Анна?

Женя. Настя. Лена... Саша. Вишня... Света, Кристина... которая?

Кри-Ви. Же-На (свет высвечивает каждую опомянутую). Ле-Са. Ви-На.

Свет на Настю.

Какая сидит. У всех глаза в пол, а у этой... «Смотрите, я одна тут такая. Я – главная!» Ну, посмотрим...

Перетасовать их, что-ли?

По росту?

Или по возрасту?

Голос: Слева старшая, справа младшая. А все остальное...

Женщины меняются местами.

Кри: Двадцать два.

Ви: Тридцать шесть.

Же: Тридцать девять.

Са: Сорок один.

На: Сорок два.

Све: Практически сорок три.

Ле: Шестьдесят один.

Свет остается на Ле.

Какой отрыв от остальных! В принципе, бабушка, но еще... не зря эти твари шестидесятилетних... Когда слышишь - жуть: двадцатилетний русский солдат изнасиловал украинскую бабушку. Но вот смотришь на Ле и окей. Не окей, конечно, зверство и прочее, но как бы уже не так... понимаешь, что возможно.

Пауза

Анне двадцать девять. То есть, где-то между Ви и Кри. Но очень уж между. Кри ребенок. А Ви уже... мать и все остальное.

К черту возраст. Анне будет тридцать шесть, как Ви, и шестьдесят, как бабушке Ле, а ей придется продолжать с этим жить. Как говорил Мантас, Анна в жизни сьела столько дерьма, что невозможно было ее не полюбить. Вот где ее надо искать. Вытаскивать из них все дерьмо. Выворачивать и смотреть.

Они готовы. Ради этой роли. И все же... Кто из них первая скинет с себя все лишнее.

Голос: Кому-нибудь из вас приходилось играть на сцене голой?

Все молчат, смотрят в пол.

Ле: У меня несостаявшийся опыт раздевания на сцене. Это было очень давно, по-скольку я самая старшая в этой группе...

Бабушка Ле? Неожиданно.

Ле: Мы репетировали спектакль и получилось, что в день спектакля режиссер сказал: «Вам придется раздеться». И я просто... естественно, у меня было отторжение. Если бы я была готова к этому, если бы со мной поговорили серьезно, обьяснили необходимость этого акта, я бы согласилась. То есть, я почувствовала некое такое насилие над собой и я сказала: нет, я этого не буду делать.

Насилие. Вот мы как раз об этом. Ради этого и собрались.

Ле: И этот отказ мне стоил двенадцати лет расставания с профессией.

Голос: Понятно.

Ле: Это что касается физического обнажения. А что касается... ну, как бы морального, то это понятно, что каждая серьезная роль от тебя требует...

Голос: Мы поняли.

Пауза

Так и будем молчать? В пол всей группой смотреть?

Понятно, Бабушка Ле - не в счет. А дальше борьба. Кто первая выстрелит, может проиграть. Следующая поднимит свой выстрел градусом. Еще следующая – еще. И все – тебя забыли. Второго выстрела нет.

Же: Я ходила по сцене голышом. И в краске.

Ви: В краске это почти одета, как в шубе. Ничего не видно, все спрятано.

Вот он – холостой выстрел.

Же: На самом деле – да, на первый спектакль, на премьеру, я прям вся с ног до головы измазалась краской, замазала себя так, что меня там уже не было.

Все смеются.

Све: И лицо тоже?

Же: Я вся была в краске, мало того, мне не хватило крови, я нашла какой-то гуаш и тоже вся замазалась. Я была ВСЯ красная. Прям с ног до головы.

Все, запах крови в воздухе. Теперь остальные подтянутся...

Ви: Ну я могу. У меня всегда полно историй, простите, вовремя останавливайте. Голой играть на сцене невновинку. То есть, если это художественно оправдано и красиво... То же самое насчет душевного обножения, если это оправданно... Такая самая откровенная для меня была вещь, тоже связанна с раздеванием...

Све: Нет, душевное обножение – это, конечно, наша профессия.

Ви: Но опять же, когда бережно относятся к твоему душевному обножению. Вопрос контекста: если это жудожественная ценность, я готова открыться, вскрыться и показать все, что болит...

Голос: Нет, так у нас не пойдет. Все эти душевные ценности... Да вы же все постсоветские...

Чуть не сказал проститутки. Ладно, не будем так строго: избранные невесты в художественном гареме. Ми ту на язык их мира переводится как «та бу». И, конечно, преследуется. Теми, кто это сделал. Да это общество нормализованного насилия...

Голос: ...где вызов красивой актрисы в кабинет худрука означал всегда только одно. Или у меня старые сведения?

Все молчат, опустив глаза, некоторые покачивают головами.

Ви: Нет. Я вот проработала три года в одном киевском театре и ушла именно по той причине. Потому что не захотела попробовать коленями ковер. Как говорят: не бойся, следы от ковра на коленях не остаются.

Ле: Естественно. И вот этот мой отказ раздеться на сцене дублировался с отказом раздеться в кабинете. Просто об этом тогда не спрашивали.

Ви: И я была по этой причине уволена.

Ле: Ровно, как и я.

Ви: Я была одна, которая об этом говорила и мне говорили: ты закрываешь свои пути в театр. «Вообще-то это нормально, для всех это как бы нормально». Потом, перед самой войной, связи с этим худруком открылось много подробностей и оказалось, что я не то что не одна, я наверно одна из не многих, кто сказал «нет». Насколько я знаю, восемьдесят процентов женской труппы попали под эту волну...

Голос: Что значит «попали...»? Он с ними переспал?

Ви: Конечно. Это значит, пришел человек в театр и начал играть во власть.

Пауза

Кри: Мой худрук... Ну он нас раздевал и как бы морально насиловал всех, там девочек с мальчиками - контактные импровизации... У нас как бы было все на сексе, но чтобы вот именно приставать... Нет, он все делал словесно, нас соединял там между собой, мы раздевались...

Как она мило краснеет. Тут надо быть идиотом, чтобы сразу к такой приставать.

Кри: Но вот когда я стала постарше, начала с ним в полемику входить. «Зачем? Что вы хотите?» Это такой пиздец был: каждый день надо было раздеваться, с кем то целоваться...

«Вы краснеете, это черта прекрасного сердца» - Ф.М. Достоевский «Идиот», Часть третья.

Са: А нас учили, что большинство режиссеров будут пытаться раздеть вас на сцене, но если уже соглашаться, для этого нужны очень резкие основания. Всегда ждите аргументов, от которых вам не останется вопросов.

И тут подтянулись робкие.

Са: Например, меня много раз пытались раздеть, но ни разу не удалось. Не потому, что я не могу показать свое тело, нет, я могу, оно очень красивое, но я не вижу в этом необходимости...

Ладно, теперь сформулировать. Пока эти робкие-бодренькие окончательно градус не сбили. Главное, умно спросить. То есть, не «кто из вас смог бы», а «кто бы не смог». И дальше уже эффект стада.

Голос: Скажем так: если в этом есть художественная необходимость и все максимально оправдано... И вот у нас одна главная роль, большая, а все остальные эпизодные. Но на главную нужно раздеться. Полностью. Есть среди вас, кто вообще на это не готов?

Все молчат, показывая готовность раздеться.

Все. Даже бабушка Ле. И эта готовность... Да, она возбуждает. Но я не хочу их унизить. Я хочу им помочь.

Са: (робко поглаживает себе бедра) Ну если максимально оправданно...

Как же она готовит... свое это тело, которое еще никому... Вот она власть. Изощренная. Как бы можешь все, а не делаешь. Все, что захочешь...

Нет, я хочу им помочь. Получить эту роль.

Голос: Хорошо, а теперь ситуация... мы ведь тут про войну, про насилие... если бы вашего мужа... мужа, любимого человека, пытали, а вы в другой комнате и тут рота солдат. И вы можете его спасти, но для этого нужно...

Пауза

Нет, это наше - мужское. Страшнее всего на свете. Им этого не понять.

Или я что-то путаю? Анна была очень близко... чтобы на это решиться.

Кри: Я, кстати, потому и уехала. Моему мужу постоянно снилось, даже не снилось, говорит, закрываю глаза и постоянно вижу, как тебя насилуют. А я ничего не могу сделать. Он просил, чтобы я уехала и я уехала.

Но это всего лишь предчувствия. А если... ну ладно, оставим.

Кри: Я не знаю, мне кажется это такой момент... если... вы оба в плену, его за дверью пытают, мне кажется, вообще нет веры, что вы можете выжить и если у тебя в принципе есть шанс спасти... То почему им не воспользоваться.

Спасибо. Ответ героический.

Кри: У меня когда-то была... в жизни... неприятная ситуация, скажем... но, мне кажется, психика... не знаю, это зависит...

Голос: Тебя изнасиловали?

Кри: Ээ... я... неее... этот... мне кажется, психика такая вещь, что ты... если она видит цель... то... это можно выдержать. Ну как можно выдержать... у тебя уже нет как бы выбора. Твое тело как бы, ты уже не принадлежишь. Душа остается, но...

Вот оно как! Честно, не ожидал.

Же: По поводу того, что память чистится – память чистится. У меня, к сожалению, опыт был, в семнадцатилетнем возрасте, я с этим нормально живу и как бы ничего во мне не сломалось. Вот.

«Ситуация». «Опыт». Они вообще понимают, о чем они говорят?

Же: А по поводу физических увечий, которые при этом наносятся, вот это дольше.

Голос: «Физических увечий»?

Же: Ну разрывы, например. Потому что человеческий организм сопративляется от такого процесса. Женский в том числе.

На: Ну я тебе скажу, у меня был опыт в двенадцать лет, я не готова щяс обсуждать детали, но психически многие вещи не восстанавливаются. Может в семнадцать оно как-то легче...

Же: Конечно: всю голову разбили об стену – нормально, да?

На: Нооо... я очень долго выгребала и возможно даже продолжаю выгребать. Из... этой истории.

Да, забрели куда надо. И это явно еще не дно. Четко опять сформулировать. Вот этими их словечками. И потом эффект стада.

Голос: А есть среди вас... у кого вообще нет опыта? Вот этого... сексуального насилия.

Вишня поднимает руку.

Одна. Из семи.

Саша оглядывается на других. Неуверенно поднимает полусогнутую руку.

Са: Имеется в виду, изнасилования... как сексуальный акт?

Нет, блять, как чай с вареньем.

Са: У меня была история, в девять лет пытались изнасиловать, но, слава богу, их вспугнули и как бы порвали только трусы. Ничего не произошло. Ну, такого...

Ладно. Одна с половиной.

Са: Но все равно это было... жуткий, жутчайший стресс, о котором ты не мог рассказать родителям и они об этом до сих пор не знают. Ну то есть...

Ле: Да, у меня совершенно идентичная история. Я тоже не могла сказать никому. Вообще никому. Ну, вспугнули как бы.

Са: Мне просто вот – повезло. Просто.

На: Я думаю, что с выбором професии потом люди определяются именно из-за вот таких ситуаций. И почему тут сидят актрисы... Сидели бы какие-нибудь другие женщины из какой-нибудь другой сферы, было бы совсем другое... процентное соотношение.

Све: Это не факт.

На: А мне кажется это как раз... что ты... после глубокой травмы в сексуальном плане в детстве... ты пытаешься разобраться с собой всю жизнь. Ты себя ищешь, ты не можешь найти себя гармоничного. Себя настоящего. А роль, театр, кино – это то, когда ты понимаешь обстаятельства, знаешь, чем закончится и с чего начиналось.

И вот он – рещающий выстрел. Выждала, отсиделась, а потом встала и всех уложила.

На: То есть, все равно какая-то определенная жизнь, в которой тебе комфортнее, чем в твоей реальной жизни.

Все ее сейчас не навидят, но первый бой она выиграла.

Только это еще не Анна. По крайней мере не сейчас. Не сегодня.

2. Бег

Голос: Попробуем Мариупольский кашель.

Как говорила Анна: «Мариупольский кашель еще... я хочу его сохранить».

Женщины в напряженном недоумении смотрят вперед.

Голос: Давайте со старшей.

Ле: Со старшей... Во первых у меня сегодня не чем кашлять. Могу выкашлять легкие, нету голоса.

Готовится.

Ле: (кашляет) Мариупольский кашель еще.

Глубоко. Чуть-чуть театрально.

Све: (кашляет) Мариупольский кашель еще.

Легче уже. Сериально.

На: (кашляет) Мариупольский кашель еще.

Без комментарий.

Са: (кашляет) Мариупольский кашель еще.

Голос: Это не Мариупольский.

Же готовится кашлять. Са начинает кашлять.

Са: (кашляет) Извините.

Же готовится. Са опять начинает кашлять.

Са: (кашляет) У меня просто кашель...

Же готовится. Начинает кашлять и Са вместе с ней.

Са: (встает) Простите.

Кашляя уходит.

Все, понеслась к Станиславскому.

Же не понимает, ей еще кашлять или уже не надо.

Нет, это все далеко. Мариуполя тут не слышно вообще.
Надо их чем-то то приблизить.

Голос: Кри, покажи это видео.

Кри вынимает телефон. Ищет видео.

Голос: Не заставляю смотреть. Кто чувствует, что не надо – не надо.

Девушки медленно подтягиваются к сидящей Кри. Ви подвисает на спине у Же. Све и Ле подходят сзади. Возвращается Са и пытается протолкнуться мехду Све и Ле. Все вместе они образуют монументальную фигуру из женских тел.

Мужской голос из телефона Кри: Любимая... прости меня... я вас очень сильно люблю... вырасти пожалуйста Леву не такого как я, дурака (пытается смеяться)... Левушка... зайка, любимый, дорогой... вырасти... чтоб у тебя все было хорошо... ты жив был, здоров... мама, сестра, папа, я всех вас обожаю... люблю и я надеюсь это видео... попадет в ваши руки... увидите... все у вас будет хорошо. Обнял, целую (пытается смеяться)... Ну я не думал что... будет так... все... Я вас сильно, сильно люблю. Обнял. Простите меня (звук воздушнего поцелуя).

Пауза

Женщины в тишине медленно возвращаются на свои места.

Да, это вот Мариуполь. Только еще не Аннин, а Янин.

Све: Нет, она, конечно - вообще... Очень хорошо держится. Я не знаю, наверно бы так не смогла. Очень сосредоточена. Очень обстоятельна.

Когда я Анне сказал про Яну, Анна вдруг засмеялась. Сказала, что ЯНА это АНЯ наоборот. Именно. Все так и есть. Они как бы реверс друг друга. В принципе все то же самое, только - наоборот.

Све: И когда она рассказывала весь их путь, я с ужасом представляла, как она с маленьким ребенком, это ж надо, чтоб он постоянно сидел, никуда не лазил, ничего не трогал...

На: Ребенка она в поездке этой даже не вспоминала. Мне все хотелось спросить, а где он? Она его привязала и все...

Же: Да, вот с этого момента он будто исчез. Как они ехали, где в это время был ребенок, потому что у нас, как у матерей, этот был вопрос: где ребенок? А она все: привезала и...

Громко звучит музыка. Женщины дальше разговаривают без звука, охотно и перебивая друг друга.

Голос: Вот он Бег – ваше вечное. Выжить. Любою ценою. Собрать все самое ценное и вперед - в неизвестное. Генетической памятью передан приказ на случай войны: Сохранение Рода!

Ви: ...и она говорит: если тебе страшно, сделай действия, которые тебя успокоят. Ну например, собери тревожный чемоданчик. Что я и сделала. Я собрала этот тревожный чемоданчик. Поэтому у меня есть гигрометр... Мда, я ебанутая мать. У меня есть даже такие вещи как... фонарик, батарейки, сух паёк в машине, бензин - канистра, одеяло, спальник, в общем я из таких -заряженных. Я купила мультитул.

Са: Мульти что?

Ле: Господи, у меня такого нету.

Ви: А вы не готовились к войне. Если бежать с ребенком....

Све: Ну что вы, это очень удобная вещь. Все киношники, гаферы пользуются этими штуками. Это типо Швейцарского ножа...

Ви: Но только там не нож, а отвёртки, пласкогубцы и всякая техническая хрень. Потом... я в принципе мало ношу украшений, но там есть мешочек, в мешочке золото, кольца, серьги. Если я попадаю в какую-то такую ситуацию и у меня отбирают все деньги, то я могу обменять на свободу.

Са: Так у тебя чемоданчик тревожный или пол багажника.

Ви: Нет, это чемоданчик. Я и пакетов набрала с собой, палиэтилена, если ночевать в лесу, на мне одежда, ну вроде я реально в лес собралась, на шашлыки на дачу, что-то такое боевое, походное, что не пачкается и в чем меня не видно в лесу. Почему я так уверенно собралась бежать пешком, через лес, я не знаю. Вот именно вещи в которых я буду незаметной в лесу.

Громко играет музыка. Ви дальше говорит без звука.

Голос: Ты и не не можешь знать - это такая память, которая помнит не помня. Когда молния и что с этим делать. Машину она не помнит, на той войне ее не было, потому приготовила все боевое, походное, чтобы бежать пешком. Одежду, в которой тебя не будет видно в лесу. Золото, кольца в мешочке - все это уже было. Мултихерни этой не было, но было что-то другое, по своей сути похожее. Теперь уже будет и это. Все, что ты там сложила, заляжет на дне твоих отпрысков. До того ракового дня, когда и к ним постучится...

Ви: И вот двадцать третьего февраля я иду играть спектакль. Театр у нас находится в подвале и в этом спектакле я как бы весь спектакль сижу в кресле, посреди сцены в гриме китайской куклы. И на мне платье, которое переходит в чехол от кресла. А расположение нашего театра - это Правительственный квартал. Сзади аппарат президента, с одной стороны Верховная рада, с другой Конституционный суд, а впереди Министерство обороны. И вот если рисовать крестик, куда бить, мы как раз на пересечении - бить сюда!

Ви: И ты вот так... сижу и думаю: сейчас как ебанет, и все побегут к выходу, а ты с этим странным креслом, даже если встанешь и побежишь, оно же за тобой волочиться будет. То есть я даже блядь убежать не могу. Сижу сука в центре театра. Если что актеры выбегут на черный вход, зритель на центральный, а тебя сука завалит к херам. И сдохнуть выйдет прямо в этом сраном кресле. И когда будут раскапывать, то подумают: какого хера она в этом дурацком кресле привязана? Ну очень странная женщина.

А это вот неожиданно. Стендап войны. Что-то свежое.

Ви: Тем более, что у меня там грим белый и огромный парик. Такая большая китайская кукла. «Пиздец», подумают спасатели.

Музыка. Ви не слышно.

Анну я ей, конечно, не дам, это было бы слишком, но такая вот бодрая вишня в этом коктейле ужасов нам может совсем пригодиться.

Ви: ... и в пять утра уже звонит телефон и я такая: ну что же это такое то? Подымаю трубку, а это мой психолог, которая из Луганска. Ей позвонили родители ее, которые остались там и уже привыкли - знают, когда стреляют в воздух для острастки, когда где-то там по полигону лупашит, «к нам», «от нас» или мимо... и вот они звонят ей и говорят: "Таня, война началась".

Голос: А вот здесь постоим. Секунду. Сделаем паузу.

Этот последний миг, когда твои пальцы сжимают до максимума натянутый лук.

Голос: Все, а теперь отпускаем.

Ви: Я положила трубку... и такая сразу в соц сети. И там ничего нет.

Све: Да ладно, сразу все было.

Ви: В пять утра?

Све: С самого начала. Каждый писал...

Ви: Ну у нас же разные ленты. У меня реально не было ничего. И я такая сонная, вялая начинаю собираться. И думаю, так холодно, так рано подымать малую, мне так ее жалко... из Луганска до нас восемьсот с хером километров. Это же часов восемь, пока дойдут...

Же: Да ладно...

Ви: Ну точно же не пять минут.

Све: (смеется) Она просто пешком их ждала.

Ви: Ну... на машинах.

Све: Или на машинах...

Ви: Их же там пока остановят, пока ж они дойдут – две недели к нам могут идти. Я вот гляну посмотреть, как быстро едут машины. Едут – не едут? Все припаркованы у нас под домом, все нормально. Только одна машина быстро пролетает... Такая думаю: может спешит человек куда-то.

Же: (саркастически) В аэропорт...

Ви: В аэропорт. А у меня пятнадцатый этаж и из окна видно как раз аэропорт. Я так поварачиваюсь и вижу ракета: пуффф. Взрывная волна и я сажусь под подоконник. Почему-то. Я никогда не готовилась, но почему-то знаю, что стекло, осколки могут сильно поранить. Потом бросаюсь будить малую и в это время ещё ОДИН... я малую накрываю одеялом. За пятнадцать минут я ее собрала. Полностью.

Ви: Выходим, а у меня в руках спереди рюкзак, сзади рюкзак, чемодан шестнадцать килограмм, Варя шестнадцать килограмм, еще коляска в сложенном виде... Потом уже я посчитала, что вес всех этих вещей превышал мой собственный! Нисколько не мешает скорости, по которой ты сбегаешь по ступеням. С пятнадцатого этажа!

Да, тут у нас все стабильно: вовремя сориентировалась, рванула и ясно, что выберется. Надо комплектовать следующий...

Ви: (перебивает) Да, а кошку я почему-то оставила дома. Думала, ну ладно, неделю побудет и потом я ее заберу. И еду я по трассе, ещё нет вот этой мега пробки, когда люди там сто метров в час проезжали. Да, плотный поток, но я еще нормально еду. Выезжаю со своего района и... понимаю, что через неделю я не вернусь. Буквально через... в пять сорок пять я выехала из дома и в шесть ноль ноль я понимаю, что через неделю я точно не...

Голос: Следующий экипаж! Мариуполь, как слышно?!

3. Яна

Свет на Кри.

Кри: Я?

Голос: Ну ты же ее нашла. Тебе она так доверилась. Да и по возрасту... сколько ей?

Кри: Двадцать семь.

Надевает очки, берет бумажку

Кри: Ну там она очень подробно рассказывала, количество таких подробностей как бы не нужно...

Это еще что такое?

Кри: (читает) Яна с мужем Мишей и годовалым ребенком жили в Приморском районе Мариуполя, недалеко от аэропорта. Миша работал в порту, Яна – в пекарне. Двадцать четвертого февраля семья перебралась к родственникам в центр города, подальше от бомбежек...

Голос: Ты ебанутая? Что ты делаешь!

Кри: Ну это... Яна. Ее рассказ...

Голос: Нет! Это пересказывание! Это вот именно то, что на этой войне не работает. Люди делают селфи и умирают в лайвстриме. Да это такая война, где полет каждой пули снимается разными ракурсами и места для пересказываний тут нахуй нету вообще. Либо ты в этом живешь и чувствуешь жопой весь ужас, так чтобы у тебя цистит в пизде начался... вот именно, чтобы мы чувствовали запах твоей мочи. И видели мокрое место на твоей мирной заднице.

Кри сидит вся красная. Снимает очки. Прячет бумажку.

Голос: Прости, это было грубо, но просто - не ожидал. Надо же: «жили-были»... И это в двадцать втором году двадцать первого века!

Пауза

Кри: (подавленная) Ни воды, ни еды, ничего не давали, света не было, ну то есть, ничего...

Голос: Воот. Мне нужна Яна, не ты.

Кри: А я как бы с маленьким ребёнком, я никуда не выходила, потому что, не дай Бог, со мной бы что-то случилось, ребёнок остался бы сиротой. И мы сидели вот, и так и думали, что о нас все забыли. И почему тут бомбят просто без перерыва, именно в центре города? Там просто эти авиабомбы, постоянно танки, просто танк приезжал, посреди домов становился и вот пулял, пулял...

Голос: Стой! Это уже две недели. А куда делось начало?

Кри: В самом начале, когда начиналось это все...

Голос: Вот именно.

Кри: ...кто-то сказал, что есть зелёные коридоры и там автобусы в другом месте, там собирают и вывозят людей. А потом эти автобусы просто обстреляли, то есть никакого не было зелёного коридора. Они все просто сгорели. Все эти автобусы. Это было где-то третье марта...

Голос: Какое третье марта?! Двадцать четвертого февраля вы переехали...

Кри: Ну да. Мы думали, что вот у нас же в две тысячи четырнадцатом, когда начиналась война, что так и будет, где-нибудь на окраине побомбят, ну в центр точно не пойдут. Мы вот из-за этого в принципе и поехали, потому что в центре будет тише. Ну не может же быть такое, чтобы прям город с лица земли могли стереть. Такого ну типо - двадцать первый век...

Голос: Что это за район? Скоро Анна подьедет, она тоже где-то там в центре...

Кри: «Штука». Центр, магазины. Сейчас это называлась уже площадь Свободы, а по-нашему - «Штука». Ну потому что «Тысяча мелочей». Это магазин, он с самого-самого начала... Он большой был, на весь дом.

Голос: А дом, в котором вы прятались?

Кри: Пятиэтажка. Мы на втором этаже жили, получается. И там было шесть подъездов, мы были в третьем, посередине. Ну и как бы тихо поначалу было. Бомбило, но не в центре. Даже весь подъезд выходил готовить кушать, то есть, на улице, на кострах. И как-то много людей, все стояли, ну где-то там прилетит, они так раз - чуть ближе к дому станут. Даже не особо шугались. А вот потом началось такое... если до этого мангал на дороге стоял... мангал это там где шашлыки обычно жарят. Ложили такую сетку и там кастрюли ставили, борщи варили, такое...

Кри: И, получается, этот мангал перенесли прям вот чуть ли не в подъезд, чтоб не дай Бог что, сразу забежать хотя бы в подъезд. Газа же не было. Второго связь и свет выключили, а третьего, по-моему, уже воду и газ. Но с водой у нас проблем не было. Когда все начиналось, мой муж ездил на машине в криницю, поэтому мы запаслись водой, у нас и пятилитровые баклажки были и девятнадцатилитровые. Ну мы экономили, конечно, чтобы чисто на еду, а пили мы соки.

Кри: Слава Богу, что мой муж такой запасливый. Как только все началось, он сразу же поехал в магазин, сразу купил много соков разных, и памперсов, детского питания... Он как бы и манки купил ребёнку, сгущенки три банки и я вот даже ребёнку варила манку на сгущённом молоке. Я вообще никогда не думала, что так можно делать, просто в воду обычную ложишь ложку сгущеного молока и потом манку, и она тогда варится. Просто на воде она не варится...

Голос: Тебе самой приходилось манку варить на воде?

Кри молчит.

Голос: А на сгущенке? Молока нет.

Кри молчит.

Голос: А говоришь, подробностей много. Тысяча мелочей. А это как раз не мелочи. Ну, то есть, конечно, мелочи, но как бы сундук старый с мелочью, которая теперь на вес золота. Они же дают нам потрогать, почувствовать запах войны, даже на вкус попробовать...

Кри: (кивает) А голова это вообще ужас. Ну просто голову я не мыла месяц. И ребёнка я влажными салфетками вытирала. Я брала антисептик, на салфетку пшикала и вытирала ему руки. Он же маленький, у него вот этот период, что он все в рот тянет. Поэтому пыталась как-то его мыть, но все равно оно все чёрное, пыльное, с этих костров, окна ж выбиты были...

Голос: Выбиты окна? Когда?

Кри: Не было почти сразу. То есть вот как только рядом где-то бомбануло, окна сразу повылетали. Мы тряпки просто вот взяли, забили прям к пластику молотком, чтобы хотя бы холодно не было. У нас только на кухне осталось одно целое. Оказывается, чтобы не вылетело окно, надо его открывать на проветривание. А я и не знала этого, блин, теперь знаю - кошмар.

Голос: Насладились. Давай разгоняться.

Кри: Тринадцатого марта, где-то было два тридцать, я малого, Лёву, спать уложила и, получается, он начал просыпаться и началась вот эта бомбежка. Это такие взрывы были... я ребёнка вот так вот укрываю собой... А Миша был на дворе. Он, как обычно там, кушать готовили, и он видать как бы отошёл от подъезда, с кем-то стоял, разговаривал, и там ещё мужчина с дочкой стояли, ну там дочке лет восемь, не знаю. И этого мужчину и девочку сразу насмерть. Они ближе потому что были. А Мишу ранило.

Кри: И, получается, когда его папа увидел, он не побежал его забирать, а к нам и начал кричать, что его ранило, я не знаю что мне делать, как его забирать, там бомбит. И потом он вышел... и соседи тоже повыходили и увидели, что тех уже насмерть, они вообще не шевелились, а Миша лежал ещё, даже улыбался. Ну то есть у него вот этот шок был, болевой. Он не чувствовал боли, но он просто улыбался как бы, кричал там, что я всех люблю...

Голос: Да, мы уже это слышали. Следующий экипаж.

4. Анна

Свет на На.

Голос: На! Ты у нас будешь Анна... Мистическая. Предчувствия, сны - вся вот эта херня - это ты. Ну и, естественно, выводы.

Свет на Са.

Голос: Са! Ты у нас будешь Анна... Наивная. Все инфантильное, детство и прочее.

Свет на Же.

Голос: Же! Ты у нас Анна... Бесстрашная. Когда вот она сломя голову, а этого там будет много.

Свет на Све.

Голос: Све! Ты Анна... Рациональная. Когда уже будет казаться, что у нее крыша поехала и тут вдруг включается это.

Свет на Ле.

Голос: Ле! Ты у нас будешь Анна... Угодай... Романтическая. Но это еще не значит, что я отдам тебе всю любовь. Любовь мы будем делить. Кто ее больше присвоит, тому и достанется Анна.

Свет на Кри и Ви.

Голос: Да, и не забывайте, что где-то по тем же дорогам пробираются Вишня и Яна. Возможно вы даже встретитесь. Но скорее всего разменетесь.

Пауза

Голос: Ну вот и все - в добрый путь. Теперь эта война ваша. А я удаляюсь в свет.

Яркий свет падает на На.

Пауза

На: В детстве мне часто снился один и тот же сон. Вот из той серии - повторяющихся.

Са: (перебивает) А это разве не мое? Как бы детство...

На поднимает глаза на свет. Свет по-прежнему на ней.

На: Что я бегу по войной разбитому городу и кричу, кого-то зову... Но кого, я не понимаю. Этот кто-то всегда был без имени. А потом этот сон исчез. Я выросла и его долго не было. И вот буквально за неделю до нашего выезда он мне снова приснился. Только теперь я уже звала Мантаса. Я четко кричала: «Мантас». Перед тем как проснуться...

Свет на Са.

Са: Когда он меня стриг, это вот за день до выезда, вообще так было щекотно, мурашки по ногам, по всему телу. Интересно, что вот здесь (прикасается к шее) до сих пор чувствую его прикосновение.

Ле: Он очень любил мои волосы, всегда так аккуратно ко мне, так очень-очень...

Са: Мы так боялись друг друга дотронуться, чтобы друг другу больно не сделать.

Ле: Потому что я ещё такая больше эмоциональная, я могу его там, особенно, когда у меня ногти отрастают, случайно могу поцарапать. А он такой бывает: «Мимоза! Ай, ай, побила, побила» (смееется).

Са: У нас было разное состояние. У нас была «мимоза», «ёж», там «кукушка», «куколка»...

Ле: Мантас иногда вот так ляжет - а мы очень любим такое хорошее постельное бельё, всегда покупали, вот чтоб оно белое было...

Са: И вот он так ляжет и говорит: «Ты моя принцесса, всё, я тебя жду». А я говорю: «Ты моя принцесса».

Ле: И когда на прощание, на похоронах в белых цветах лежал, я говорю: «Ты моя принцесса» (улыбается в слезах).

На: Я как раз накануне... Мантас пошел спать, а я подругу нашу позвала, мы вышли на террасу курить и я говорю: «Хоуден, ты знаешь, ты Мантасу не говори, но я так боюсь. У меня чувство, что кто-то не вернётся».

Же: Такое было... И вот это ощущение, что вот, как говорят, кровь в жилах стыла, первый раз в жизни я это ощутила на себе. Вот я даже потом всю поездку, я чувствовала свою кровь, как она просто вот так вот стынет.

Све: Он очень хотел вернуться.

Же: Почти вернулся. Уехали вместе и приехали вместе.

Ле: Мы так друг друга любили. Я всё время, все пять лет не могла поверить, что такая любовь существует.

На: Как раз вот в феврале у нас была годовщина нашего знакомства. Двадцатого февраля. И как раз перед моей бабушки годовщиной смерти. И мой дядя пошёл на кладбище.

Са: Это вот в Кремменой, откуда я... в Луганской области.

На: Мне мама позвонила и говорит: ты знаешь, пошёл дядя на кладбище, на годовщину смерти бабушки, и говорит: там крест упал. И мне так – Вообще!

Са: Потому что я очень хорошо помню этот день. Мы только начали с Мантасом работать, а у меня бабушка умерла и я её хоронила.

На: Мне так страшно стало. Говорю: «Это очень плохой знак, что крест упал».

Све: Меня подруга упрашивала. Она не связана тоже с кино индустрией вообще, но там знакомые через знакомых искали актрису без опыта.

На: Кстати, как раз на роль Анны. То есть, я Анна и мой персонаж Анна...

Све: И вот она мне говорит: «Давай ты сходишь на кастинг!» Говорю: «Ты чё, Наташа, какой кастинг?» Она: «Нет, ну ты сходи». Говорю: «Да вы знаете, что я не из тех девушек, которые там актрисой хотят стать или моделью какой-то». Ну там в детстве было, когда-то предложили, но я...

Са: ...я отказалась, не пошла. И вот она меня весь месяц упрашивает: сходи да сходи, и она мне уже так надоела: «всё, хорошо, я пойду». И я иду...

Же: А нам сказали, что нас встретит женщина. Я жду женщину и заходит в дверь, ну как сейчас помню, Мантас. Ну, красивый мужчина, высокий зашёл. Мы ещё так поболтали, посидели, пошушукались. И потом зовут меня. Я ещё думаю, где та женщина, которая должна подъехать? И мне говорят: это режиссёр. А я вообще, я понятия не имела, в жизни режиссеров не знала.

Све: И говорю: «Давайте вот так по честному, я не актриса, я вряд-ли вам подхожу, я вообще не знаю что надо делать». А он мне там что-то говорил, говорил и потом его фраза: «Ну я тоже не режиссёр. Я в Америке грузовик водил. Мы грузоперевозками занимались».

На: Ну и он начал рассказывать о проекте, я поняла, что я ничего не понимаю из того что он делает. А если вот что-то из области не понятного, мне это нравится.

Ле: То есть, если бы было всё структурировано, наверное я бы отказалась.

Са: И так приезжала каждый день, смотрела что вообще, почему так много людей, что они все делают...

Све: Ещё съёмок нету, ещё только локации строятся.

Же: Но когда Мантас подходил, меня всё время, ну это очень телесное ощущение, что меня всё время трусит. Вот он где-то рядом и я дрожу.

На: И мне не холодно, я очень контроль фрик, а здесь моё тело меня не слушается, меня все время трусит, я дрожу.

Ле: Ну конечно, он мне нравился. Он умный, красивый мужчина. И потом как-то он дал мне какой-то текст. А, «Исчезнувшие города».

На: Исчезнувшие города?

Ле: Да, такая книга есть, сейчас не вспомню автора. Попросил меня выучить и мы сидели, он вот так на пол сел... Я ему рассказываю и он ртом как-то до колени дотронулся и я такая: как-будто разряд тока прошёл по мне.

Све: Говорит: «Пойдём сходим в киоск». Говорю: «Хорошо». Мы идем в киоск, говорю: «Зачем мы идём?»

Са: Нет, ну это вообще, это до сих пор, это уму не постижимо, пускай этого не быдет...

Све: И он мне: «Пойдём за презервативами и сексом займёмся». Я такая: «Вот так?» И что тут ответить, ну нормальный человек такого не скажет женщине.

Же: Ну я так посмотрела на него, говорю: «Ну давай».

Ле: То есть, вот это его какая-то: пробьёт или не пробьёт.

Са: В эту ночь я не осталась. Я не осталась и он мне сказал: «Ничего, ты у меня останешься». Ты, говорит, ещё у меня дома останешься, где я живу. Говорю: «Угу, посмотрим».

Же: Но осталась потом.

Са: А в этот день я не осталась. Он говорит: «Ты что, уезжать будешь?» Я говорю: «Да, я не останусь здесь ночевать». Он говорит: «А я останусь ночевать».

На: И он ночевал там один.

Ле: И потом, да, мы всё время вместе были. С первого дня, как я попала, то есть, всё время всё вместе. Я прихожу, мне очень интересно, всё в манитор смотрела...

Све: Когда начались съемочные дни, у меня были огромные такие каблуки и я подвернула ногу. Я сказала всем, что я немножко полежу, чтобы нога прошла. И Мантас тоже это слышал.

Же: И он меня буквально через две минуты зовёт на площадку. Я говорю: "У меня нога болит". "Нет, иди". И я иду, ну то есть... это было за гранью каких-то моих чувств, я только знала, что мне надо не упасть просто.

Са: И этот кадр потом вошёл в фильм.

На: То есть, ему нужно было даже не эмоция актера, а уже человеческая эмоция, уже физическая - будто это боль, будто это любовь.

Ле: Есть кадр, там где я лежу, так смотрю. Мы были вдвоем, он это снимал.

Све: Он говорит: «Спи». А я очень уставшая была. Я так закрыла глаза, и он: «Потом посмотри на меня». И он начал что-то у меня спрашивать и я на него смотрю...

Ле: Да, и я на него смотрела с любовью.

Свет на Ви

Ви: К этому времени уже рассвело и я вижу аэропорт. И в далеке так летит самолёт и с него такие точечки: пык, пык, пык, пык и дым... Я до этого никогда не видела ничего подобного, но сразу догадываешься что это. Я сильнее вжимаюсь в руль. А по трассе когда едешь там с двух сторон лес. И с одной стороны что-то пуф в лес и взрывной волной качает машину в одну сторону, и с другой стороны там пуф.

И я понимаю, что обстреливают трассу и нужно съезжать. А ребенок полусонный спрашивает: «мама, что это?» И я говорю: это авария, грузовик врезался. Включаю погромче музыку, начинаю петь, чтобы ей было веселее. (поет) Ехей ехехей - мы же едем просто к бабушке. Да, конечно, мы едем просто гулять. И я после падения этих двух ракет понимаю, что пиздец. Я не могу ехать через аэропорт. И я съезжаю в лес и понимаю, что у меня навигатор просто отключился. Я пытаюсь найти маршрут Через Что-То другое, но связи в лесу нет.

Кри: Я потом, мы когда уже шли, видела много осколков, но я думала это просто камни, кирпичи. То есть они вот такие, метал такой тяжёлый, что просто даже тяжело поднять вот такой кусочек. И ему вот полностью в бедро попало. Очень сильно разбило бедро. Две ноги тоже разбито и в кишечник. Соседи ему зашивали ноги, всем подъездом собрали лекарства, пытались жгут наложить. Зашивали нитками, иголками, на живую. И получается, они мне все начали кричать, чтобы я несла иголки, нитки... плотные нитки желательно. Ну и вот я начала передавать все это.

Меня же к нему не пускали, чтобы у меня молоко не пропало. А потом кто-то сказал, что он замерзает, надо его нести в квартиру. А он начал кричать, что нет, не надо, чтобы его никто не видел. Ну прямо в подъезде лежал. И вот его на одеяло переложили и занесли в квартиру. Накрыли одеялами, спальниками, все что у нас было. И мне сосед сказал, что у него в животе дырки, может ты пинцетом достанешь. А я на него смотрю и говорю, я понимаю, что желательно достать, но я просто как только бы глянула, я бы в обморок упала.

Я боялась просто полезть в эти дырки и зацепить что-то другое - не дай Бог, сделать хуже. Вот получается, он лежал... и к вечеру где-то в часов восемь начал болевой шок сходить. И вот это реально было самое страшное. Когда он уже начал чувствовать боль. И ему не помогали никакие обезболивающие.

Же: Потом мы поехали в Афины, у нас были съёмки в Афинах и Мантас поехал на машине и я спросила: «А можно я не полечу так как все, а поеду с тобой?» И он такой: «Нет, нет, нет».

На: Ну конечно, он уже сразу решил, что я с ним поеду.

Све: Да, мы получается отсняли в Афинах, и потом Мантас ехал в Уганду снимать.

Са: И мы сели вот как раз тогда и говорили, как мы себе это представляем?

Же: Он говорит: «У меня тоже никогда денег нету, ну как-то будем жить, если ты на это согласна?» Говорю: «Да мне тоже как-то ничего не надо». Всё что мне надо это книги, ну и там двое носков, джинсы и всё.

Ле: Мы даже проговаривали, ещё перед войной, шли от нашего друга и он говорит: «Я уже всё, я уже бывал на войне, я уже не поеду, вот если что-то произойдёт. Я хочу с тобой детей в Калифорнии воспитывать, а потом мы приедем в Афины».

Са: И когда уже третьего марта я начала открывать сообщения и меня поздравляли с днём рождения, а все сидят в подвалах, потому что бомбят. И меня так прям струсило.

Све: Мантас пошел уже в кровать и новости читал. И он мне пишет смску: «зайди». И я прихожу...

На: Но я уже знала, что он мне скажет.

Све: Я захожу и он говорит: «Ты не ругайся, но я в Мариуполь хочу ехать».

Же: Я, говорит, сначала думал перемонтировать старую версию «Мариуполя»...

Ле: В пятнадцатом году он же снял фильм «Мариуполь». Когда эта война только еще начиналась...

Же: И вот говорит: «Я пытался, туда сюда переставлял эти кадры, хотел как-то под сейчас перемонтировать. Но всё же понимаю, что не перемонтируешь, нужно ехать».

На: Он читал новости о Мариуполе, и последняя новость, что Мариуполь в блокаде находится, что там бомбят.

Са: И он говорит: «Я ведь знаю, что там люди живые есть».

На: «Люди, которых я знаю».

Ле: Я ему сказала, что я с тобой, мы едем вместе, это не обсуждается.

На: Не было ни единого... когда бывает что-то скажешь, и вот уже начинаешь это делать, но появляются сомнения на метафизическом уровне...

Све: Я очень внимательно смотрела, появится ли? Ни доли секунды, вообще никакого сомнения.

Же: Даже будучи там, будучи под бомбежкой мы говорили, как хорошо, что мы приехали. Уже находясь в опасности, уже пройдя через какие-то ситуации... когда уже посадили всех возле этого окна и Мантас сел на прострел, а российские солдаты поставили пулеметы с окон. Вот они с окон стреляют, сейчас прилетит...

Ле: И я говорю: «Мантас, я так боюсь за тебя, я так боюсь за тебя...» А он говорит: «Почему ты боишься?» Я говорю: «Я боюсь что тебя кто-то заберёт у меня.» Он говорит: «Кроме тебя, меня у тебя никто не заберёт».

На: «Кроме тебя самой».

5. A капелла

Кри: Соседи нам дали ампулы, именно обезболивающие. Мы ему укололи, а оно просто не действовало, ну он просто продолжал орать. Продолжал лежать, плакать, кричать от боли. Ну то есть, я не знаю, это такая была боль.

Са: Да, мы чувствовали, что мы нужны людям. Ну если никто не будет ехать...

Же: Но кто-то же должен ехать... если никто не поедет, то что ж?

Ви: Приезжаем мы в село, а это село бывшего мужа и его родителей, там нет блядь даже отделения почты, настолько там глубокое дно. И мы там неделю живем, я тихонько сношу в погреб рюкзак с сух пайком, одеяла...

Кри: Когда его занесли в зал, я ещё возле него сидела. Малой рядом бегал, ну ему годик, он не понимает, что происходит. Я просто возле него сидела и все. А потом мы пошли спать, ну мы в коридоре, получается, спали, а он в зале лежал.

Ви: И, значит, ночью все в доме спят: бабушки, дедушки храпят и вдруг дом начинает дрожать. Я слышу взрыв и накрываю одеялом Варю с головой. И Варя сквозь сон отбивается, мол, мама, не мешай мне спать.

Кри: Мама его и папа они просто всю ночь сидели возле него, а я лежала в коридоре, и слышала как он мучается. А на утро уже папа его говорит, нет, я пойду искать кого-то, чтобы кто-то его отвёз в больницу, хоть как-то. И сосед всё-таки согласился. Было же страшно везти, потому что можно было просто не доехать, всей машиной попасть под обстрел...

Ви: А следующей ночью случается ещё один взрыв и я принимаю решение, что все, нихрена я тут не останусь. И я сорюсь с бывшим мужем, потому что он нихрена не хочет помочь вывезти Варю до границы. Я отвечаю: насрать, если ты не поможешь, значит сама утром беру Варю и выезжаю.

Кри: Когда его выносили, мы поцеловались, получается. Обнять же ж даже было невозможно… Ну как... я к нему просто легла и честно я... (плачет) я не хотела даже ни вставать, ничего… я просто хотела с ним лежать. Постоянно. Я понимаю, что у меня ребёнок тут бегает, возле нас, а тут бомбежка идёт за окном.

И мне просто страшно было, что щяс блин прилетит... и меня, и ребёнка… я поэтому... я вот так вот возле него полежу, полежу - раз побегу в коридор. Опять к нему подойду, подойду, поглажу его, поцелую - опять в коридор убегаю… И ребёнка вот так к нему, Леву, вот так приложила… он его поцеловал... и все, и его забрали. Лёва ему помахал «пока!». И все.

Све: И мы решили, что мы через Литву летим.

Же: Потом с Литвы на автобусе на Польшу, на Львов и со Львова...

Ле: Во Львове были четырнадцатого, получается.

Кри: И его, получается, рано утром четырнадцатого... На пледе забрали, перенесли в эту машину...

Са: Нам Ира, которая журналист с Мариуполя, но она эвакуировалась во Львов, она дала нам машину, чтобы мы вывезли её родственников.

На: Но нам не удалось.

Кри: Именно вот с этого четырнадцатого, пятнадцатого нас начали бомбить просто блин каждый день. Вот с утра ты просыпаешься и слышишь эти прилеты. В коридоре сидишь, ребёнок постоянно орет, потому что ну взрывы, он боится, страшно. Ему страшно блин, нам страшно.

Ви: Ехали до границы четверо суток. Очень много автомобилей, просто безумный поток. Москвичи, жигули, которые глохнут, у них отпадают колеса, потому что эта машина стояла где-то у дедушки в гараже и гнила.

Же: Мы доехали до Днепра, в Днепре провели четыре дня...

Кри: Грубо говоря, блин, сидели и ждали своей смерти.

Ви: Буквально! Вот машина стоит на одной оси на земле, потому что колесо натурально отпало и лежит на дороге. Вот настолько она в плохом состоянии... но решились ехать.

Же: И когда уже начали подъезжать к Мариуполю...

Кри: Потому что я видела дома напротив, которые просто сгоревшие были. Девятиэтажка сгоревшая вся сбоку стояла и напротив пятиэтажный дом, тоже сгоревший весь.

Ви: А когда темнеет и время комендантского часа, ты стоишь и понимаешь, что все то стоят с включенными фарами и это такая лента из машин светится. А над головой пролетают самолёты и ты хер знаешь: наши или не наши?

Све: И вот я слышу: самолёт. Я Мантасу говорю: «Самолёт». Мантас: «Что?» А мы на трассе... «Самолет, тормози!»

Ви: И понимаешь, что ты мишень для растреливания.

Са: А на подъезде в Орехово нас не выпустили.

Же: Потому что трасса горела, это уже перед Мариуполем.

Са: Нас остановили, все машины заставили поставить бампер к бамперу.

Же: Сказали не выходить, не включать печку, не прогревать, фары не включать, просто вот сидеть как сидите.

На: Мантас впервые употребил это слово.

Са: Говорит: «Мы живой щит сейчас».

Кри: Мы там ещё десять дней пробыли. Даже чуть больше – двенадцать.

Са: Я потом пол ночи стерегла, пока Мантас спит...

Кри: Каждый день был одинаковый. То есть, ты просыпаешься, ну бомбят-бомбят, ну все равно у тебя есть задача накормить ребёнка, себя накормить...

Ле: А потом Мантас меня сторожил...

Са: Пока я посплю.

Кри: Тот же чайник на костре поставить, чтобы как-то кипяток был.

На: Мантасу снился сон в ту ночь, что стрелки часов идут обратно.

Кри: Потом уложить ребёнка спать на дневной сон. Потом он просыпается, как-то ещё его развлечь надо.

Ви: А ещё было весело потому что бабушка с ребенком все время сорились на заднем сидении. И ощущение будто у меня два ребенка.

Кри: Ну потому что он маленький, он же не понимает, что у нас тут война.

На: И вот ему снился сон, что стрелки часов идут обратно.

Ле: И потом как-то где-то уже в Мариуполе...

Све: Не могу recall my memory, но где-то в Мариуполе…

Са: Потому что там все часы в основном уже остановились.

Све: Да, но какая-то была, вот у меня есть память, что они шли, что я их видела...

На: И они шли обратно.

Кри: Поэтому я ж говорю, эти двенадцать дней были просто одинаковые.

6. Мариуполь

Са: Я в Мариуполе никогда не была перед этим, в детстве мы всегда в Бердянске отдыхали.

Све: И на подъезде в Мариуполь, перед Мангушем, я смотрю и вот небо - стена просто чёрного дыма.

Же: И я Мантасу говорю: «А это что там?».

На: А он говорит: «Это Мариуполь».

Ле: И уже всё. Когда смотришь, эти бабушки, которых везут в садовых тачках, которые не могут идти. Люди идут пешком, машины без стёкол…

Све: Лежат трупы, все провода снесённые...

Са: Мы когда ехали, мы на три недели собирались и я Мантасу сказала, когда мы уже ночевали в доме молитвы, в подвале, говорю: «Мантас, если мы неделю здесь пробудем и нас не убьют, считай нам повезло.»

Же: И он: «Зачем ты так говоришь, ты мне тоже настроение создаёшь, вот ты тогда решение мне какое-то скажи, мы разворачиваемся завтра и уезжаем или что, что ты хочешь этим сказать?»

На: Я говорю: «Не знаю, у меня только чувство есть пока».

Же: «Ну вот когда узнаешь, тогда и говори».

Све: Ты изолирован. Ты не знаешь, что у тебя на соседней улице происходит.

Ле: Ты не знаешь.

Же: Ты находишься под бомбежкой, по твоей улице танки ходят, мины - тебя заминировали... да, потом разминировали.

Све: Разминировали как: танк встал чуть-чуть по-дальше, начал палить в эти мины, мины взорвались, дом потрусился, тебя разминировали.

Ле: Ну и куда идти? Там ни радио, ничего.

Са: Перед нашим приездом люди говорили: «О нас вообще - о нас забыли?»

Же: Мантас говорит: «Да нет, весь мир о вас говорит».

Са: «Нет, о нас забыли, о нас никто не помнит. Мы здесь сидим, у нас ни связи нет, ничего, нас бросили».

Ле: И мы: «Нет, вас не бросили, вот мы здесь хотя бы...»

На: И это так страшно.

Све: Мы сначала заехали с вот этой колонной. Но уже вот в самом Мариуполе из восьмидесяти машин осталось две. Ведущий колонной и мы.

Ле: Остальные разъехались в прилегающие села, поселки...

Све: И он хотел на драмтеатр ехать.

Же: А драмтеатр взорвали, когда мы были в Днепре.

Све: Но он всё равно хотел в драмтеатр, говорил, его конечная точка там.

Са: Но когда мы въехали в Мариуполь, остановились возле кинотеатра какого-то. И люди все просто без жизни.

Ле: Вот в мирное время подумали бы наркоманы или ещё что-то.

На: Людям смотришь в глаза и человек вроде бы как-то есть, но его нет.

Све: И тот водитель спросил у местного, как проехать...

Са: Но тот говорит: «Мы не едем на драмтеатр». Мы туда не проедем.

Же: И второе место это дом молитвы был.

На: И мы решили остаться там.

Са: Там были люди, как убежище...

Ле: Подвал.

Са: И мы думали, что может завтра на драмтеатр поедем.

На: Но этого завтра не наступило.

Же: Потому что этот район близко к Азовстали, и там было каждый день...

Све: Не то что каждый день - там один день за три.

На: До обеда у тебя одно, после обеда у тебя российские солдаты, вечером ещё что-то случилось, и думаешь, дай бог ночь переживём.

На: Мантас на следующий день спросил у главного в церкви, может ли он снимать, и тот согласился.

Ле: Да, вот так выскочил на пять минут, что-то поснимал там, с окна или как-то...

Же: Вот там, например, человек застрявший в крыше лежит.

Ле: Вот он там так застрял и лежит.

Све: У другого соседа была похожая ситуация, только у него пол соседа - его через три дома принесло половину тела взрывной волной. Пролежал он три дня на крыше, он не мог его скинуть.

Же: Потом в период времени, когда немного тише было, он залез на крышу, палкой его скинул, погрузил на содовую тачку и отвез через три дома.

Све: Оставил просто но дворе.

Ле: Вода - в колодце. Ну тоже люди идут за водой и собирают, тех кто не смог набрать...

На: Тела отодвигают, тех кого у колодца убило.

Са: Это же осколки летят, это не обязательно, что в тебя прямо стреляют.

Же: Мы вот на пороге сидели, курили и прилетел осколок, и он горячий.

Све: Это кусок метала просто, вот кусок горячего метала, там вот такого хватит, чтоб…

На: А это же везде люди были.

Же: Они когда с четырнадцатиэтажки бежали, говорят: «Мы выбрались как-то, а там люди с квартир кричат, они заживо сгорели, кто повыпригивал просто, повыбрасывался».

Ле: С другой стороны там тоже бабушки лежат сгоревшие все.

Са: У нас солдаты, вот эти солдаты российские, сначала забрали ключи от машины...

Же: И днём Мантас говорит: «Такое чувство, что надо как-то ехать».

Ле: А мы там уже неделю сидим.

На: Что никогда не было этого чувства, а теперь есть.

Све: Но пока мы перепоковали свои рюкзаки, вот секунда... и опять началась... танки, бомбёжка...

Же: Тогда Мантас говорит: «Хорошо, тогда завтра в шесть утра уезжаем, пока утром относительно можно прорваться.»

Ле: И всё, и вернулись эти солдаты.

Са: А они когда ключи забирали, сказали, мы через два дня вернемся и отдадим ключи.

Све: Угу, отдадим.

На: И пришли они, и забрали машину, и уже всё.

Са: Я говорю: «Как! Тут же дети, старики, как уезжать мне?»

Же: Говорит: «Уедешь, когда война закончится.»

Ле: Ну вот, всё такое вот. Всё меняется быстро.

Све: Мы решили, раз забрали машину, будем идти пешком тогда.

На: И здесь на следующий день приезжает ведущий колонны.

Са: И он говорит: «Во, а где машина?» Ну рассказали всё.

Све: И мы решили, что едем с ним.

Же: Он тоже пересиживал где-то, потому что очень сильно бомбили.

Ле: И как раз он сидит, мы споковались, и прилетает снаряд к нам в крышу.

Са: Все люди с водой выбежали, побежали тушить крышу.

На: Он говорит: «Всё, уезжаем сейчас.»

Све: Всё, потушили, собрались, забрали девочку с отцом, у неё маму убило.

Же: Ну, не убило, а мама готовила в кухне курицу, в коридоре девочка стояла, прилетел снаряд и всё - маму просто засыпало...

Све: Убило на её глазах.

Ле: А папа вообще после инсульта. Пол стороны парализовано.

На: Ну вот мы их забрали. Они когда пришли к нам, мы с Мантасом пообещали, что мы их заберём.

Са: А водитель не рассчитывал забирать ещё и с этого места людей.

Же: Он говорит, остаемся у моей матери, в другом районе, а на следующий день я дособеру людей и мы уедем.

7. Кошка

Кри: Ну у меня молоко не пропало. Слава Богу, блин, я не знаю. Это какая-то наверное защитная реакция. У меня вот реально как сработал какой-то блок. Я поплакала один день и потом я понимаю, что мне надо жить.

Ви: Первую неделю я не могла плакать вообще. Ну вот очень хотелось, но ты не можешь. Как будто если ты расслабишься, что-то произойдет.

Кри: Мне надо ребёнка отсюда достать во-первых и дальше надо бежать подальше.

Ви: Поэтому ты плакать не можешь.

Кри: Я поплачу потом, потом буду горевать, но сейчас именно тот момент, мне надо просто отсюда выбираться.

Ви: А мы же ехали не по трассе, а через села, в обьезд, и машина уже так тарахтела. Бух-бух, хран-хран, хань-хань-хань - и ты думаешь: щяс отвалится колесо и... я подумаю: «странно, что за колесо?» А это мое. Катится... И я делаю музыку погромче, мол, ничего не происходит. А там еще бабушка с Варей... Они реально ябедничали друг на друга. Бабушка доела последнюю конфету, Варя устроила истерику по этому поводу.

Са: А можно уточняющий вопрос? (поднимает глаза на свет)

Ничего не происходит. Ни запрета, ни разрешения.

Са: Откуда появилась твоя мама? Или мы где-то пропустили?

Ви: Ооо... так я просто об этом не сказала. Она из Киева появилась. Я когда из города выехала и поняла, что за кошкой я не вернусь...

Са: То есть, вы в село поехали вместе с мамой?

Ви: Нет, мама была в другом конце Киева... и я когда выезжала из дому, говорю, мам, я щяс за тобой заезжаю и забераю. «Нет, я не поеду. Я поеду вечером в Кривой Рог. У меня билет на поезд». Такой: «Блять, мама, война!»

Са: А как она приехала?

Ви: Я позвонила бывшему, говорю, привези мне кошку в село. Потому что убедить его, что война и страшно – нереально. Говорит: «Ой хули мне, это ты паникуешь». Говорю: «Я видела РАКЕТУ!» «Ааа... это ты не проснулась. Это была не ракета. Может это был фейерверк?» Говорю: «Фейерверк снизу вверх, а это сверху вниз. Значит так, блядь! Ты берешь щяс кошку, мою маму и выезжаешь в село. Берешь кошку и маму и едешь!»

Же: А я так переживала все время за кошку.

Са: Ой, и я тоже, как ее бросили...

Ле: И я волновалась, Боже мой...

Же: Думаю, спрошу потом...

Ви: Нет, я не тварь, я ее не бросила.

Кри: Я тоже о ней думала.

Все смеются.

Ви: Моя кошка... которой к этому моменту было шесть лет... была, простите, девственницей. Так вот, в селе она наладила личную жизнь.

Све: У нее все сложилось?

Ви: У нее ВСЕ сложилось! Лучше чем у меня. Вот она просто (изображает кошку, у которой все сложилось)...

Же: И чё - кавалера нашла?

Ви: Четверых!

Все ржут.

Са: Она там осталась?

Ви: Она осталась в селе. Она там, значит, в отличии от всех остальных четырех котов спит в доме. Всем остальным не разрешают, а она такая (изображает кошку секс-королеву)... ну че, мальчики, кто там следующий? Она ж городская. Телочка...

Все ржут. Яркий свет на На.

8. Мариуполь-2

На: А на войне нельзя так. Вот уже отпустил чуть-чуть и всё. И тогда это всё случается.

Све: Когда мы приехали к матери... этого вот водителя...

Ле: Это было уже, получается, двадцать шестого.

Са: Ну там было значительно тише.

Же: И как-то мы уже даже во дворе покурить могли.

Са: И даже было ощущение, что уже уехали.

На: А надо было дождаться, пока уедем.

Кри: Нас дальше бомбили. И вот числа наверное двадцать пятого марта прилетел снаряд, прям в подъездную дверь. Там полностью ее, я не знаю, как будто бы и не было. Там крыльцо полностью упало, ступеньки полностью разбились, окна повылетали в подъезде с рамой...

На: И на следующее утро...

Ле: Просыпались ведь рано там.

На: Я проснулась, Мантас уже встал кофе пить, а я лежала ещё в спальнике на полу.

Же: И я слышу, водитель с Мантасом разговаривают.

Све: Он говорит Мантасу: «Пошли со мной, я на бусике не поеду людей собирать, потому что автобус - большая мишень.»

Ле: А он Мариупольский был.

Све: «Походим по знакомым, может у кого машина есть, легковушка, возьмем, соберем людей, пересадим и уедем тогда».

Кри: И у нас просто вот в этот день повылетали межкомнатные двери. Вот мы сидели в коридоре, и дверь, которая в комнату выходила, она просто упала на нас.

Са: И Мантас приходит ко мне и говорит: «Можно, я бумажку от вафельки спрячу, под этот...»

Ле: А мы ночью тушенку под спальником ели. Говорю, прячь.

Са: Он не знал, где выбросить, там еще кусочек от вафельки был.

Же: Я говорю: «Давай я с тобой пойду».

Све: А он говорит: «Ну чё ты пойдешь, не иди».

На: Вот и всё.

Кри: А на следующий день прилетело в крышу. У нас там пенсионеры жили. И они говорят, вот мы когда зашли в комнату, а там просто небо видно.

Са: Я его ещё попросила...

Ле: Окликнула, говорю: «Накрой мне ножки, пожалуйста, моей курткой».

Са: Он мне ноги укрыл, поцеловал меня и ушел...

Све: Потом возвращается и говорит: «Дай мне свой айфон».

Же: Я говорю: «Да, конечно.»

Ле: И вот так с курточки, с кармана отдала и всё.

На: Больше я его не видела.

Кри: Поэтому вот когда это все произошло, мы, получается, вот двадцать седьмого числа решили убегать.

На: Уже в обед я начала беспокоиться.

Ле: Это было двадцать седьмого...

На: Уже смотрю, время идёт.

Же: Но всё равно, думаю, этот вот мужчина - он Мариупольский.

Са: Тем более, Мантас очень аккуратный.

Кри: Где-то в одинадцать тридцать мы пошли с другими людьми с нашего подъезда: там бабушка, дедушка были, ну старики уже. У меня бабушка, ей восемьдесят два, она с палочкой бежала.

На: Уже после обеда, смотрю. Как-то время идёт...

Све: Слышала, что в сторону порта они должны были идти. Где этот порт?

Ле: Район это или порт, тоже не знаешь.

Же: Вышла на соседнюю улицы, смотрю, может идут откуда-то.

Кри: Ну то что было на улице - это ужас. Провода валяются, кирпичи везде, людей нет, ничего нет. На остановке, прям на остановке трупы лежали, просто накрытые тряпочкой. У нас там проспект Мира, главная улица, над ней вот такие прям девятиэтажки стоят. Вот они все сгоревшие были. Внизу магазины тоже сгоревшие. Там площадь у нас «Обжора» - это как торговый центр, получается, он тоже сгоревший. Возле него кафешки - «Папа гриль», «Арома кава», ну то есть фастфуд, шаурма: все они были сгоревшие...

На: И утром слышу: стук в ворота.

Све: Я выбегаю, и люди заходят, водитель стоит.

Ле: Я оглядываюсь, говорю: «Где Мантас?»

Же: «Мантаса нет, не оглядывайся».

Ле: Я говорю: «Как нету?»

Же: Он говорит: «Нас взяли в плен и мы просидели всю ночь на передовой, в двухэтажном здании, там велся обстрел».

Кри: А мне же малого, ну Лёву, ребёнка моего, получается, пледом привязали ко мне... мне его вот так привязали (показывает), я его двумя руками держала и рюкзак ещё сзади.

Са: И вот его отпустили, а Мантаса не отпустили

Све: Должен был приехать какой-то начальник там или что-то такое.

На: Ничего не ясно, где, что, куда... Куда бежать?

Же: Он: «Всё, я уезжаю».

Ле: Очень склочённо, неразборчиво говорил, никакого адреса, ничего...

Све: Единственное, упомянул какой-то позывной одного из солдат, который услышал.

Са: И указал, что это район детской поликлиники.

Кри: Ну получается, вот мы идём, и просто Мишин папа кричит: «Беги!» Потому что началась какая-то перестрелка.

На: И он: «Всё, я уезжаю, никого брать не буду».

Са: Я говорю: «пожалуйста, хотя бы ребёнка с отцом возьмите.»

Ле: Потому что он не хотел.

Же: Спросила, куда бежать…

Кри: И я вот бегу блин с ним, смотрю на маму, мама еле идёт, бабушка еле идёт. Они медленно шли блин, но это было так страшно...

Све: Его мать нарисовала главные эти улицы.

На: И потом чуть-чуть провела меня до кладбища и указала рукой, где эта поликлиника может быть.

Кри: И я вот убежала.

Са: Я побежала туда.

Кри: Забежала в какой-то подъезд.

Ле: Но там не эта улица на которую указали.

Кри: Ну не подъезд, а просто какое-то помещение.

На: Там их штабы.

Кри: Я стала возле стенки, стояла и их ждала... И как бы выглядывала...

10. Бешеный Стакато

Все Анны ставят перед собой пюпитры (подставки для нот) с текстом. Быстрая музыка.

Све: Говорю, так и так: «есть ли у вас задержанные или плененные?»

Са: Мне говорят: «Приходите после обеда».

Же: Я дальше прошла. Там спрашиваю у солдат, но никто ничего не знает.

Ле: Ну тоже нет уверенности, что я в правильном месте.

Са: Потому что улицу он сказал, возле Ливаневского, а нет даже названия такого.

Ле: Есть Проспект Мира.

Же: Кто-то из солдат посоветовал пойти на семнадцатый район в больницу.

Ле: Что может туда отвезли.

На: Я пошла туда, там ничего нету.

Са: По пути встретила бабушку.

Ле: Она довела меня, говорит: «вот - это здесь».

На: А эта улица - это фронтовая линия уже.

Све: И я так сворачиваю и понимаю, что я там вообще одна.

Же: И обстрел. Ну ты просто не можешь пройти.

Са: Это главная дорога, но негде идти.

Ле: Там деревья лежат.

Све: И я так зашла через двор, и первый раз украинских солдат увидела живых.

На: А на следующий день двоих мертвых видела.

Же: Там человек пять... они как-то забегают, отстреливаются.

Са: Я зашла в подъезд, за дверь, подождала, потом выглянула...

Све: И я понимаю, я не могу с ними ни говорить, ни спрашивать о помощи.

На: Мантаса ни эти взяли.

Переворачивают страницу.

Са: И я так вышла, говорю: «От туда не стреляют?»

Же: Они: «нет».

Са: И я так дальше прохожу...

Ле: Буквально пару подъездов.

На: То есть, там фронтовая линия.

Же: И я бегу, получается, через…

Ле: Ну, там дворы закончились и я вышла обратно на главную улицу.

Же: И слышу, автоматная очередь просто летит.

Све: И я оглядываюсь, где вообще может быть двухэтажное здание?

На: Потому что их там нет.

Са: Там либо девятиэтажки, но не двухэтажные.

На: Нету двухэтажек.

Же: И я забегаю...

Са: А там ДНРовские солдаты.

Ле: И они просто с чашкой кофе в руках были.

На: И они оторопели.

Же: Говорит: «Ты что, дура, ты откуда взялась здесь, мы просто... вот рука была не затворе, мы просто расстреляли бы тебя.»

Са: Я говорю: «Можно я от автоматных очередей у вас спрячусь?»

Же: Он говорит: «Нет нельзя, но ты уже здесь».

Све: И я так оглядываюсь, говорю: «У вас здание двухэтажное?»

Же: Он говорит: «Ну, вроде бы двухэтажное».

Са: Я говорю: «У вас нет там плененных, задержанных?»

Же: Он: «Нету у нас никого, спроси в шестнадцатиэтажке напротив».

Переворачивают страницу.

На: Их солдат меня через дорогу перевел.

Ле: Ну как перевёл, пробежали, а там я уже дальше одна.

Же: К другим свернула, а он говорит: «Не подходи!»

Са: Я говорю: «Я - гражданская».

Же: «Не подходи, я тебя расстреляю. Иди нахуй от сюда».

Све: Перебегаю в шестнадцатиэтажку, спрашиваю, есть ли плененные?

На: Говорит: «У нас там один Азовец есть, или типа там старые, нету.»

Ле: И получается, я пробежала через всю фронтовую линию.

Са: И как раз вот выхожу от куда я начала.

На: И эта «нива» уже стояла там, начальник их штаба.

Све: Тоже самое говорю: так и так, может задержали?

Ле: И говорю, знаю, что позывное есть: такой-то и такой-то.

Же: Он говорит: «Это мой солдат».

Са: Я обрадовалась, говорю: «Ну так вы спросите у него, мне сказали Мантаса он задержал».

Же: Он говорит: «Он просто солдат».

Све: «Он бегает на передовой и стреляет, как я тебе его спрошу».

Ле: И потом я опять обходила...

На: Я уже всех опросила.

Са: Я кручусь там, в этом месте, не знаю куда идти.

На: Всё сходится здесь.

Переворачивают страницу.

Све: Я говорю: «Хорошо, но вот если пленяют, какая процедура у вас?»

Же: Он говорит: «Я не знаю».

Све: Так давайте тогда, логично будет: я странная, я у вас уже третий раз в день, хожу одна, да с Луганским паспортом.

Ле: С Луганской пропиской.

Све: Мой город находится под Украиной, я ищу литовца.

Же: Так задержите меня.

Све: Логично будет, что нас в одно место направят, если вы не знаете.

На: Он так заулыбался, говорит...

Резко прекращается музыка

На: «Ну вот иди, от куда ты пришла, с передовой, подымай руки, тебя мои солдаты изнасилуют, мы скажем, что украинцы, обратно тебя ко мне приведут, а я не хочу этот грех на душу брать, я людям хочу помочь».

Снова музыка, темп.

Са: И вот эти бесконечные поиски. С одного узнаю, где-то что-то...

Же: Прихожу обратно на Мира.

Ле: Там если этого начальника нету, всё равно у всех солдат спрашиваю.

Све: Они же тоже меняются.

Са: Кто вообще не говорит ничего.

Све: Они просто сами не знают.

Же: Потом идешь через пол города на семнадцатый район.

Ле: Потом опять возвращаешься.

На: Потому что я знаю, что этот начальник...

Са: Что он что-то…

Переворачивают страницу.

На: И вот так пять дней.

Све: Возвращалась к водителя маме.

Же: Потом от неё шла обратно.

Ле: Туда - на Мира.

Са: С Мира шла обратно.

Све: Фотографии уже раздавала, и вот писала.

На: «Я Белоброва Анна Александровна, ищу мужа Мантаса Квядаравичуса, был задержан в районе детской поликлиники, по улице...»

Ле: Солдатам, людям, начальникам...

Же: А этот же начальник тогда мне и сказал...

На: «Твой муж погиб».

Пауза

Са: Я говорю: «Как погиб? Так тогда его отпустили или как?»

Же: Он говорит: «Ну, в смысле, гражданского в синей куртке видели на передовой, мёртвого».

Са: Я говорю: «Подождите, так мне тогда надо на опознание тела прийти?»

Же: Он говорит: «Ну, сегодня не иди, потому что бои, приходи завтра.»

Све: То есть, вот я тридцатого числа возвращалась к водителя матери...

На: И поворачивает машина, я смотрю на номера - этот начальник.

Са: Я подбегаю: «Что-то вам удалось узнать?»

На: И он мне вот это вот говорит.

Све: И этот леденящий его взгляд…

Са: И эта уверенность...

На: «Твой муж погиб».

Же: Не моргая.

Переворачивают страницу.

Све: Я на следующий день прихожу, там у них даже этого начальника не было.

Ле: Тридцать первого, да.

На: Потому что бой шел, и солдаты говорят: «Мы своих не можем забрать».

Са: Когда первого числа я пришла, всё равно, смотрю: бои ещё,

Ле: Но опять же пошла в семнадцатый район в больницу.

Са: Всё равно продолжала искать. Я там еще узнала...

Ле: Накануне узнала, что в Володарске подвалы есть.

Же: Какие-то для задержанных, с которыми уже проводят работы.

Са: И я думала, может... а в церкви велосипед был.

Ле: Думала, может взять и в Володарск с этим велосипедом.

Са: Там тридцать что-ли километров...

Ле: Что-то такое.

На: Ну вот такое все в голове.

Све: Думаю, велосипед брать не буду, может как-то военные довезут.

На: И подъезжает эта «нива».

Ле: Это первого вот числа.

На: И я не понимаю...

Же: Потому что я уже собираюсь на Володарск.

Са: У меня план искать среди живых.

На: Ну, оно чувство есть, но я его отбрасываю, и ищу среди живых.

Ле: Хочу искать среди живых.

Све: И смотрю, «нива» эта...

Переворачивают страницу.

Са: Но там не начальник, а его водитель, и с кем-то...

Ле: Рядом кто-то сидит.

Же: Он говорит: «Садись.»

Са: И я даже не понимаю, куда я еду.

Ле: Не сразу сообразила.

Же: Мы проезжаем фронтовую линию.

Све: Ну это - улицу ты переезжаешь.

Же: И они так сворачивают где девятиэтажка.

Са: Я на заднем сидение сижу за водителем.

Све: И я смотрю, с бокового окна...

Ле: Вот ещё в далеке...

На: Мантас лежит.

Пауза

Све: А он проезжает быстро.

Са: И у меня всё как в замедленном видео.

Ле: Я вот так вот смотрю...

Же: И начинаю его бить.

На: Говорю: «Тормози машину!»

Ле: Я выбегаю...

Све: И там Слава, начальник, сидит на стуле возле подьезда.

Же: И так: «Чё, твой?»

Переворачивают страницу.

На: Он знал… то есть он даже…

Ле: Я вырываюсь, а он солдату махнул, чтоб солдат меня за локоть держал.

Са: Я бегу туда, а меня солдат держит.

Ле: Я его даже обнять не смогла.

Све: Солдат меня держит, говорит: «Девушка не подходите, потому что тело может быть заминировано.»

Ле: То есть он меня за локоть так обратно к этому Славе.

Же: А он говорит: «Ну, гражданской помогите, там куда ей надо, Володарский есть морг, там, в Донецке, решишь куда, распоряжение дал, заберёшь, погрузите его там.»

На: Он знал даже где он лежал.

Второе действие

1. Пепел

Кри: И мы пошли потом на эту больницу, и там вот всё-таки были эти эвакуационные автобусы. Ну там столько было людей... и с детьми, и с собаками, и с котами, и с попугаями. И там блин уже ж был ДНР. Они давали гуманитарную эту помощь, типо. Просто честно, я вот в шоке была, ну получается, мы ж только выбежали с этой бомбежки, и они мне дают бананы и воду.

Ви: Я очень хотела или бухать, или кофе. Ну вот серьезно, не знала чего я больше хочу. И я приезжаю туда, а мне говорят: «Мы адвентисты седьмого дня. У нас запрещено курить, кофе и алкоголь».

Кри: Я хотела просто им в лицо плюнуть. Ну вы б лучше сюда не приходили. Ну серьезно, зачем вы пришли, разбили весь город, а сейчас даёте бананы людям?

Ви: А в Румынии дороги... (изображает серпантины) это херня вот такая! Вот как спагетти сварила и выбросила на стол. И он мчится восемьдесят км в час. И у меня уже край дороги, я блять вот так веду машину (упирается в условное переднее стекло), четвертые сутки без сна... просто чтоб не терять его из виду. (кричит) Я ЕЕЕДУУ! Ночь, твои фары освещают только какой-то участок: (изгибается) сука, лес, снова лес, обрыв, обрыв!

Же: Мы когда ехали...

Ле: Уже по территории России.

Же: Мне Ира звонит наша.

Ле: Что машину нам давала.

Же: Она говорит: «А ты на переднем сиденье сидишь там или как?»

Ле: «Ты вообще сидишь, как ты едешь?»

Са: И я говорю: «Нет, я рядом с Мантасом».

Же: Она говорит: «Подожди, ты одна и с гробом?»

Све: «Ты одна?»

Кри: Блин, я просто выхожу с этого автобуса, а там в Бердянске спокойная жизнь. Там люди ходят, магазины работают, автобусы ездят. А я так смотрю: «В смысле?» Там, говорю, в Мариуполе творится же ад. А они на меня смотрят, они даже не понимают: «А вы с Мариуполя? А там бомбят?» Я говорю: «Да там трупы лежат на дорогах, там все дома посгорали!»

Са: И меня так возмутили эти её слова «ты одна?»

Ле: Она так испуганно.

Са: Говорю: «Ира, как я одна, я не одна, я с Мантасом».

На: Я с ним была.

Ви: Из Румынии я ехала восемнадцать часов в Будапешт. Когда я приехала туда, я должна была переночевать одну ночь и ехать дальше, но... я решила, что Все. Можно не убегать. Можно выдохнуть и... поспать.

Кри: А я просто сижу на этой остановке. У меня шок. Ко мне люди подходят: «вам чем-то помочь?», там это... Я говорю, я не понимаю, мы только, ну как... Я месяц не мылась. Как у вас, говорю, так тихо?

На: У меня первое такое болезненное...

Све: Я почувствовала первый удар такой...

На: Когда на прощание его увезли.

Ле: Ну вот когда уже в крематорий...

Са: Потому что, я первый раз...

Же: Ну то есть, было... когда я его искала, не знала, где он.

Ле: Но потом я ведь с ним не расставалась.

На: Всё равно у нас была какая-то телесная коммуникация всё время.

Све: И когда уже были в Литве, у озера остановились.

Же: И я все вещи достала из пакета.

Ле: Которые на Мантасе были.

На: И в одной из его кофт, был кусок кости с руки.

Ле: Вот такой вот кусочек, небольшой.

Све: Я его отдала криминалистам.

Же: Но надеюсь забрать.

Са: Если не выбросили ещё.

На: Единственная уцелевшая его часть.

Ви: А самое интересное, что я на этот новый год загадала всего там... прям список сделала: хочу проехаться за рулем по Европе, встретить много хороших людей в интересных местах, провести больше времени с Варей, принять участие в театральном проекте, который для меня стал бы вызовом...

Же: Вообще интересно было, когда в морге, у него один глаз закрыт был.

Ле: Это еще в Донецке.

Све: (показывает на себе) Здесь челюсть сломана была...

Же: (показывает на себе правый глаз) А вот этот глаз вот так приоткрыт.

Са: И я в морге...

Ле: Ну, он на полу лежал.

Са: Я пыталась ему этот глазик закрыть...

Ле: А он приоткрывается.

Са: Я закрываю.

Ле: А он приоткрывается.

Све: Потом когда на следующий день этот глаз был широко открыт...

На: И он был голубого, голубого цвета.

Са: Меня это так поразило.

Ле: Так широко открыт, как живой.

Ви: И вот за эти три месяца все у тебя, блять, сбылось. Ну вот, буквально, по пунктам. Сижу и, сука, играю себя.

Све: Но он в хорошем состоянии был.

Ле: Он красивенький был.

Све: Я все беспокоилась, чтобы его сохранить.

Ле: Хорошенький был.

На: Он такой... его когда уже в Донецке приготовили, он успокоился.

Ле: Уже больше не бежал.

Же: Даже вот этот глаз - ещё такой стремящийся...

Са: А уже когда его подготовили, я его за носик так, за ручки потрогала...

Ле: И он успокоился.

Кри: А он у меня любитель, у него был GoPro и он постоянно снимал. И когда это произошло, я его телефон... мне его отдали. И я только потом открываю и смотрю: видео есть. У меня сразу: «Ну как?» Ну потому что тебя очень сильно ранило, у тебя все болит, а ты достаёшь телефон, чтобы записать, как ты всех любишь.

Са: Такой любви не существует.

Ле: Такой любви не существует.

На: У меня все пять лет было это….

Кри: Да он на видео весь в крови лежит. Лицо в крови и он улыбается. Улыбается и извиняется… ну, и что любит.

Све: Если бы мне кто-то рассказал...

Са: Даже если бы сейчас кто-то рассказал.

Све: Я бы не верила.

На: Я сама себе не верила…

Кри: Потому что у нас такие отношения были, как бы мы о любви особо не разговарили. Я как бы знала, что он меня любит, и я не просила, чтобы он мне каждый день...

Са: Мне всё время мало было его.

Ле: Всё время мало.

На: Всё время мало.

Же: Двадцать четыре часа в сутки.

Све: Семь дней в неделю находились вместе.

На: И мне всё время мало было с ним.

Кри: А тут, когда это произошло, он лежал внизу и просто кричит: «Я тебя люблю!» И я в этот момент, я понимаю, что что-то реально не так. Я захожу в квартиру и начинаю плакать, маме говорю, что он со мной прощается.

Са: Я вот прихожу откуда-то, я с ним разговариваю.

Ле: Подхожу там, его целую...

Же: А сплю всё время с ним.

На: И как-то вот было, что эта коробка на меня нападала сначала.

Све: Потому что я сначала с закрытой спала.

На: И там с этой крышкой всё время что-то случалось во сне.

Ле: Она открывалась.

Све: Я обратно её...

Же: А она снова там на меня.

На: Я говорю: «Мантас, нападает на меня».

Кри: И кричит: «я тебя люблю», «я люблю Лёву», «у вас все будет хорошо».

Све: Потом я начала открывать.

Ле: Просто вот открываю крышку.

Све: И сейчас я сплю с открытой.

Же: И кладу возле себя.

Са: Возле плеча всегда.

Ле: (показывает) Здесь.

На: И ни разу вообще не было чтобы сдвинулась эта коробка с места.

Са: Или когда просыпаюсь, я ложу себе на сердце.

Све: Пепел от моего тепла нагревается.

На: И я ещё с ним так лежу.

Кри: Я не знаю, где его могила. Я узнавала, но там, получается, было прямое попадание в это отделение, где он лежал, и все сгорело. А там не хоронили людей, они там лежали в морге, либо в отделении и у них на ноге писали фамилию. Ну то есть, он просто там вот сгорел.

Резко вырубается свет.

2. Начальник

На авансцене на стуле сидит Голос. В форме без обозначательных знаков.

Голос: Вы ничего не пропустили? Кто убил Мантаса?

Пауза

Же: Кто?

Са: А откуда мы... если даже Анна не знает?

Голос: Разве? Как его взяли в плен?

Ле: А они же пошли... вот с этим водителем искать машину...

Голос: Что ей водитель сказал?

Ле: Ничего.

Све: Он с Мантасом разговаривал, она просто слышала их разговор...

Голос: Когда на следующее утро вернулся. Что он Анне сказал?

Же: «Мантаса нет, не оглядывайся».

Голос: Потом?

Же: «Нас взяли в плен и мы просидели всю ночь на передовой...»

Голос: (перебивает) Потом.

Са: И вот его отпустили, а Мантаса не отпустили.

Све: Должен был приехать какой-то начальник там или...

Голос: Стоп.

Све: Да там этих начальников. Мы что-то просто пропускали в ее расска...

Ле: Там же еще был один, с розовой «нивой», к которому она подходила.

На: И еще. Ну или там заместитель. Который сказал ей: «не ищи среди мертвых, ищи среди живых».

Голос: Но этот был главный.

Же: Этот... который?

Голос: Слава. Командир штаба.

Же: Да там этих штабов... на каждом углу...

Ви: Серьезно, мы что теперь, по второму кругу пойдем? Так у меня дахера нерассказанного. Я как бы еще в Будапеште, мне, сука, дахера еще ехать...

Кри: Кстати, Яна... это еще только Бердянск. Ну это как бы очень близко и он под оккупацией, им еще выбираться...

Ви: Есть же еще эти две женщины, которых я в встретила уже...

Голос: (перебивает) Кто его убил?

Ви: Война и убила.

Голос: Кто конкретно? Все эти «война убила», пусть останутся в войнах прошлого. В этой все будет по-честному.

Же: Ну если с ее слов, то этот Слава реально не знал. По-началу...

Голос: Не с ее слов, а ее словами. Где она это сказала?

Же: Ну вот он говорит: «Я не знаю».

Голос: Чуть выше возьмем. С шестнадцатиэтижки.

Све: Перебегаю в шестнадцатиэтажку, спрашиваю, есть ли плененные?

На: Говорит: «У нас там один Азовец есть, или, типа, там старые, нету.»

Ле: И получается, я пробежала через всю фронтовую линию.

Са: И как раз вот выхожу от куда я начала.

На: И эта «нива» уже стояла там, начальник их штаба.

Пауза

Све: Тоже самое говорю: так и так, может задержали?

Ле: И говорю, знаю, что позывное есть: такой-то и такой-то.

Же: Он говорит: «Это мой солдат».

Голос: Стоп. «Позывное есть». Отматаем, что ей сказал водитель?

Све: Должен был приехать какой-то начальник там или...

Голос: «Какой-то начальник»! Дальше.

На: Ничего не ясно, где, что, куда. Куда бежать.

Же: Он: «Всё, я уезжаю».

Ле: Очень склочённо, неразборчиво говорил, никакого адреса, ничего...

Све: Единственное, упомянул какой-то позывной одного из солдат, который услышал.

Голос: Вот он – один и тот же солдат. И один и тот же начальник. До этого, возможно, он и не знал, но теперь точно знает... что муж этой ебанутой, которая сломя голову бегает по всему фронту, находится у него. Бесстрашной, глупой, влюбленной – мы не знаем, что он о ней думает, но ему уже интересно. (голосом начальника) «Да, это мой солдат».

Са: Я обрадовалась, говорю: «Ну так вы спросите у него, мне сказали, Мантаса он задержал».

Же: Он говорит: «Он просто солдат».

Голос: (голосом начальника) Он бегает на передовой и стреляет, как я тебе его спрошу?

Све: И потом она снова подходит.

Са: Я кручусь там, в этом месте, не знаю куда идти.

На: Всё сходится здесь.

Све: Я говорю: «Хорошо, но вот если пленяют, какая процедура у вас?»

Голос: (голосом начальника) Я не знаю.

Све: Так давайте тогда, логично будет: я странная, я у вас уже третий раз в день, хожу одна, да с Луганским паспортом...

Ле: С Луганской пропиской.

Све: Мой город находится под Украиной, я ищу литовца.

Же: Так задержите меня.

Све: Логично будет, что нас в одно место направят, если вы не знаете.

На: Он так заулыбался, говорит...

Голос: Заулыбался! Оценил храбрость девочки. Что-то неординарное в этой рутине войны. Тут есть во что поиграть.

Са: В смысле? Им там что, делать нечего?

Же: Есть чего делать – убивать. А вот развлечений...

Са: Ну так он просто мог ею возпользоваться. Насколько я понимаю, там это вообще...

Голос: (голосом начальника) Ну вот иди, от куда ты пришла, с передовой, подымай руки, тебя мои солдаты изнасилуют, мы скажем, что украинцы, обратно тебя ко мне приведут, а я не хочу этот грех на душу брать, я людям хочу помочь.

Са: Ну вот именно. Почему он ее не тронул?

Голос: (голосом начальника) Ты глухая? Я людям хочу помочь. Почему...

На: Кстати, могло такое быть. И с этого вот момента он реально ее пасет. Чтобы никто даже пальцем... Это его любимая кукла.

Голос: Дальше. Где он у нас опять появляется?

Ле: Там если этого начальника нету, всё равно у всех солдат спрашиваю.

Све: Они же тоже меняются.

Са: Кто вообще не говорит ничего.

Све: Они просто сами не знают.

Же: Потом идешь через пол города на семнадцатый район.

Ле: Потом опять возвращаешься.

На: Потому что я знаю, что этот начальник...

Са: Что он что-то…

Голос: Она уже понимает. Обоим уже все известно, но игру ведет он.

На: И вот так пять дней.

Све: Возвращалась к водителя маме.

Же: Потом от неё шла обратно.

Ле: Туда - на Мира.

Са: С Мира шла обратно.

Све: Фотографии уже раздавала, и вот писала.

На: «Я Белоброва Анна Александровна, ищу мужа Мантаса Квядаравичуса, был задержан в районе детской поликлиники, по улице...»

Ле: Солдатам, людям, начальникам...

Же: А этот же начальник тогда мне и сказал...

Голос: Вот тут помедленнее. Поподробнее.

Пауза

Све: То есть, вот я тридцатого числа возвращалась к водителя матери...

Голос: Там скамейка еще была - вы ее не заметили.

Све: Возвращалась к водителя матери, так я через дорогу еле перешла. Так села, это было не у Мира, а у другого штаба...

Голос: Все, она сбилась с ног, у нее отчаяние.

На: И поворачивает машина, я смотрю на номера - этот начальник.

Голос: Нужен новый адреналин. А то она щяс все бросит.

Са: Я подбегаю: «Что-то вам удалось узнать?»

На: И он мне вот это...

Голос: (голосом начальника) Твой муж погиб.

Пауза

Све: И этот леденящий его взгляд…

Са: И эта уверенность...

На: «Твой муж погиб».

Же: Не моргая.

Голос: А почему он сразу тело ей не отдал?

На: Потому что бой шел, и солдаты говорят: «Мы своих не можем забрать».

Са: Когда первого числа я пришла, всё равно, смотрю: бои ещё.

Голос: Но ведь и второго шли. Почему вдруг решил отдать?

Са: А я там еще узнала...

Ле: Накануне узнала, что в Володарске подвалы есть.

Же: Какие-то для задержанных, с которыми уже проводят работы.

Са: И я думала, может... а в церкви велосипед был.

Ле: Думала, может взять и в Володарск с этим велосипедом.

Са: Там тридцать что-ли километров...

Голос: Блять! Она щяс укатит, на этом, сука, велосипеде, нужно готовить финал.

На: Ну вот такое все в голове. И подъезжает эта «нива».

Голос: И там нет режиссера.

На: И я не понимаю...

Са: Но там не начальник, а его водитель, и с кем-то...

Голос: Конечно, начальника нет - он на сцене уже репетирует.

Же: Он говорит: «Садись.»

Са: И я даже не понимаю, куда я еду.

Ле: Не сразу сообразила.

Же: Мы проезжаем фронтовую линию.

Све: Ну это - улицу ты переезжаешь.

Голос: То есть, это в двух шагах - рядом.

Же: И они так сворачивают где девятиэтажка.

Голос: Ну это просто, получается, занавес. Кулисы величиной с девятиэтажным сгоревшим зданием.

Све: И я смотрю, с бокового окна...

Ле: Вот ещё в далеке...

На: Мантас лежит.

Пауза

Све: А он проезжает быстро.

Голос: А это вот для чего?

Са: И у меня всё как в замедленном видео.

Ле: Я вот так вот смотрю...

Же: И начинаю его бить.

Голос: А, понятно. Для этого.

На: Говорю: «Тормози машину!»

Ле: Я выбегаю...

Све: И там Слава, начальник, сидит на стуле возле подьезда.

Яркий свет на Голос.

Голос: Вот он - финал. Кульминация. Стоило потрудиться. (голосом начальника) Чё, твой?

На: Он знал… то есть, он даже…

Голос: Естественно. Он же сам все это поставил.

Ле: Я вырываюсь, а он солдату махнул, чтоб солдат меня за локоть держал.

Голос: Сам ставит и сам же играет.

Са: Я бегу туда, а меня солдат держит.

Све: Говорит: «Девушка, не подходите, потому что тело может быть заминировано».

Голос: А как потом вдруг разминировали? Или он просто был еще теплый?

Ле: То есть он меня за локоть так обратно к этому Славе.

Голос: (голосом начальника) Ну, гражданской помогите, там куда ей надо, Володарский есть морг, там, в Донецке, решишь куда, распоряжение дал, заберёшь, погрузите его там.

На: Он знал даже где он лежал.

Голос: Так он же сам его туда положил.

Ви: Послушайте, а вам не кажется, что мы уже занимаемся... что это уже не театр, и у нас как бы нет компетенции...

Голос: Ну почему же. Если кто-то в аду решил поиграть в театр, почему же театр не может разоблачить его?

Ви: Но это еще ничего не доказывает. Мы обвиняем кого-то, вот просто так... (щелкает пальцем)

Же: Кого-то... Я себе представляю, скольких он там грохнул.

Ви: Да, но в этом конкретном случае... У нас же нет доказательств. Одни только доводы.

Голос: Так! Значит, солдат ее держет... Вы дальше не досказали.

На: Он лежал в странной позе, лицом вот так в землю, рука одна вот так, другая так, и вот нога как-то была завёрнута и голова так.

Же: То есть, такое чувство, что человек либо идёт, либо упал.

Са: Когда я стояла с этим солдатом, который держал меня за локоть...

Све: Я вообще стояла, просто, я не знаю, старалась в глазах запечатлеть эту позу.

Ле: Вот запомнить, как он лежал.

Же: То есть, у меня всё в глазах расплывается, но я как-то знала, что это будет важно.

На: Что что-то здесь не так.

Са: Но я ещё не знала, что не так.

Голос: И когда уже его погрузили...

Же: Потом, сидя у грузовика, я хотела на него посмотреть, а он мне сказал: «Девушка, давайте не будете, у нас медика нету здесь.»

Ле: Ну то есть, если я в обморок бы упала.

Све: Я говорю: «Но вы сами не знаете, у него лицо есть вообще, у него голова вообще есть?»

Са: Ну потому что у него тряпка какая-то, не тряпка, а что-то связанное, как коврик какой-то и было накрыто.

Голос: Конечно, он был еще свежий. Они его только убили. Привезли, положили... на финальную сцену. Потом же она его в морге... одежда была почти целая. И сколько отверстий от пуль?

Же: По ее словам, несколько.

Голос: Не по ее словам, а ее словами. Донецк!

Све: И потом только в Донецке мне всё сошлось.

На: Почему мне всё странно.

Же: Потому что, я уже в Донецке увидела тело, увидела пулевое ранение...

Са: Вот здесь (показывает с левого бока живота) ранение.

Ле: И как бы сюда (указывает на центр лба). Ну, контрольный.

Са: И первое, что было странно, была не естественная поза для Мантаса.

Ле: В которой он лежал.

На: Ну он не мог так умереть.

Же: То есть, как солдат говорил, по разрывам похоже, что как мина взорвалась.

Све: Но я понимала, что это не мина.

Са: Мы миллион раз это делали, когда что-то летит...

Же: Ты ложишься, закрываешь уши, открываешь рот, чтобы контузии не было.

Ле: То есть, если бы он так лежал, то я бы поняла,

На: Но лежал он в другой позе.

Све: И потом я думаю, а что ж еще?

Же: А крови не было.

Са: На песке

Ле: Там где он лежал.

На: Вот что было странно.

Пауза

Кри: То есть, одели его потом уже? А убили, получается...

Же: А еще у него нога была сломана. Одна нога и рука.

Са: Но он же реально ей помог. Дал солдатам распоряжение, везти куда она скажет. Почему он ее не убил, ну или там не воспользовался?

На: А это просто другая игра. Другой уровень. Ну это, как я это понимаю: вот у тебя они двое... Один в подвале, а другая под пулями бегает, ищет, где ты его прячешь.

Голос: Я знаю только одно существо, если только оно существует, которое именно так поступает. Одной рукой убивает, а другой дарит жизнь. А тут же власть. Безграничная. Как тут не поиграть.

Голос уходит.

3. Эпилог

Са: И что? Что нам теперь с этим делать?

Ле: Да, какой итог? Какой вывод? Ушел себе...

На: А нет никакого итога. Все же еще продолжается. Ничего не закончилось.

Пауза

Све: (Ви) Кстати, а что за две женщины? Которых ты в Будепаште встретила...

Ви: Не в Будапеште. Это здесь уже было. Не важно. Какая разница...

Же: Я вот была в понедельник на маникюре и там женщина пожилая, она пришла стричься, ну и она как бы села, мастер говорит, распологайтесь и там это все. И вдруг она начинает так странно дышать. У нее натурально срыв происходит. И она так: «извините, извините», а у нее градом слезы. И вот эта Анжелика, мастер, ей: «Вам водички, вам чай, вам таблеток?» А у самой руки тоже трясутся. И женщину трясет: «Нет, все хорошо, я таблетки выпью, извините меня, извините, как стыдно, как стыдно...», короче...

Ви: Да, это очень часто, когда какие-то привычные вещи делаешь, из своей прежней жизни. Ну для женщин это маникюр сделать, пойти к парикмахеру...

Же: Вот именно, как бы она села в привычное кресло и говорит: «я домой хочу, я домой хочу». Ну так вернётесь. «А мне больше некуда возвращаться». Она видела, как взорвали ее дом. То есть, отъезжая они видели. В общем она точно знает, что дома больше нет. И вот она села в это кресло, ну то есть, в что-то такое из мирной жизни и ее накрыло прямо жёстко.

Ви: А я зашла в супермаркет, сделала покупки, выхожу, а возле моей машины топчутся две женщины. Это вот как раз про них я хотела... Ну они были очень такие, сразу видно, что они только оттуда. Во первых, одеты не по погоде, в пуховиках прямо, и второе: взгляд испуганный, растерянный...

Кри: Кстати, у меня тоже две женщины. И тоже из Мариуполя.

Ви: Мои были из Харькова.

Кри: Ну я про Яну. Они тоже как бы недавно приехали. Они сестры, ну и им по двадцать там с чем-то...

Ви: (перебивает) Вот они ко мне бросились: «Подскажите, где центр регистрации беженцев?» Я повезла их. Едут они со мной и одна, что очень важно, некрасивая, а вторая красивая. Вот та, что некрасивая, много говорит, примерно как я... (смеется) да, я и не отрицаю, что я болтушка...

Же: Да, а потом... прости... потом, видимо, таблетка подействовала, и она прямо так расслабилась. И что-то вообще из нее вылелось, ну как бы хлынули слезы, то есть, она очень быстро говорила, говорила: я видела, как он горел, и мне больше некуда, и как это так..?

Ви: И моя эта говорит, говорит, высказывает, а вторая молчит. И в конце когда мы расставались, и одно, второе, третье и некрасивая бросилась обнимать с благодарностью, а которая красивая, я так попыталась (трогает по плечу) и она так (сжимается)... и я как бы не настаивала, понимаю, что это неспроста. Быть красивой на войне это же полный пиздец.

Же: Да, и потом она успокоилась... И так сидела тихо. И у нее так челочка и вот тут сбоку мелирование, и она такая: «вот тут поправить мелирование и проведите челку». И уходя она уже расплачивается и Анжелика говорит: «Не надо денег!» Вы что, говорит, вы работали. Это что получается, я, говорит, заплакала и вы меня пожалели? Нет, не надо так, пожалуйста, не надо...»

Пауза

Ви: Ну вот... а эта некрасивая говорила, говорила и она рассказала. Они как выезжали, едут колонной машин, их в колонне очень много, в машине самой очень много: взрослые, дети, собаки, а сбоку от дороги стоит танк. И сверху на танке, около башни, сидит парень с автоматом. Сидит, ножкой машет, ему весело. Ножкой болтает и выбирает, в какую машину он стреляет, а в какую не стреляет.

Ви: А она говорит, машина едет буквально три-пять километра в час, мы как бы ползем вот этой колонной и видим, как в машине, которая была перед нами, вылетают от выстрела мозги у человека и по заднему стеклу так разползаются. А ты продолжаешь ехать, обьезжаешь эту машину. И танк иногда выстрелом сшибает машины. Ты объезжаешь, видишь это все, слышишь крики людей, кто там ранен, кто горит в машине, а тот машет ножкой на танке и как в считалочке: убью, не убью. И у этого как бы нет логики, у этого есть настроение. Ему легко, он играет в игру.

Са: Неужели нельзя остановиться? Свернуть с этой дороги?

Ви: Запрещено.

Све: Ну да ладно, все равно уже...

Ви: Ну нет. Выйдешь из колонны, растреляют. А так: пятьдесят на пятьдесят.

Пауза

Све: (Кри) А твои две женщины что?

Кри: А... ну они...

Ви: Прости, я тебя перебила.

Кри: ...они были военные и их мужья тоже как бы военные...

Ви: Прости, пожалуйста.

Кри: Ну и. в общем, их всех четверых взяли в плен, этих подробностей я не знаю, но мужей как бы сразу убили, а над ними издевались, ну там... насиловали, естественно. И вот они и еще мама как-то оттуда выбрались. Приехали сюда и у мамы случился инфаркт. А одна из сестер забеременела после всего, что с ними там... И ей говорят делать аборт, а она не признает беременность. Она ходит по городу с пеплом этой мамы, ну то есть, с урной, никого не хочет слушать, не подпускает ни психологов, никого.

Пауза

На: Ну я могу сон рассказать.

Са: Кстати, мне тут такое приснилось... это вообще... такой из двух частей, двухсерийный. Первая часть – это мы с мамой в автобусе. То есть, мы с моей мамой бежим от войны, садимся на какой-то автобус, а он еще такой двухэтажный, как в Лондоне...

Све: (смеется) Двухсерийный.

Са: Да. И заходят две женщины. Тоже, кстати, две женщины. Такие, вроде полные, добрые, подшучивают со всеми, но и проверяют. Не видим что – документы или что-то еще. А потом видим, они смотрят людям в глаза. А у всех людей в глазах ползают червяки. Такие маленькие червечки прямо в глазах. А у нас с мамой их нет. И мы понимаем, что нам... мы попались.

Пауза

На: У меня, похоже как у Анны, есть сон, который длится постоянно. Тоже город. То есть, какой-то город, в котором мне снится то одна улица, то другая, я знаю, где что расположено - где у меня там кладбище, где какой-то дом, в котором что-то было. А я же еще летаю во сне. При чем я всем говорю: это так просто, ты летишь, как плывешь. И разбегаюсь, говорю, смотрите, смотрите, разбегаешься и так вот гребешь руками (гребет)...

Ле: Это как у Анны... помните, как ей Маркес приснился. Голос Габриеля Гарсии Маркеса и он говорит: «А как вы можете верить в жизнь, что она реальна, если вы практически половину жизни проводите во сне?» Ей Мантас привез книгу «Сто лет одиночества». Привез и говорит : «Я думаю, что тебе понравится, прочти».

Са: Да, а вторая часть сна – это вообще. Тот же город, война, мамы уже со мной нет и я подхожу к какому-то водоему...

Ле: Как она говорила: «Пять лет счастья и сто лет одиночества. Но за то пять лет счастья, абсолютного. Для такой любви сто лет одиночества…» Я в эти дни, говорит, говорю ему: «Теперь где тебя искать? Мы друг друга нашли один раз, а сейчас где это будет?»

Пауза

Ле: (Са) Прости.

Са: Ну и вот, значит, я подхожу... вокруг разбитые дома и посередине такое как бы озеро небольшое. А я вся грязная, черная и мне надо помыться. Я раздеваюсь и голая иду в эту воду. А она такая мутная и там мелко, где-то мне до коленок, ну, то есть, нужно лечь, чтобы полностью окунуться. И я ложусь. А в воде что-то плавает, как бы рыбы, но не рыбы и полная вода вот этой херни и она так неприятно прикасается к телу. И я начинаю смотреть, что же там плавает? А это мужские члены. Стояки. Все озеро в этих хуях, без туловища, без ничего, одни вот эти стоящие члены, как бы сами по себе. И я такая: ААА! Просыпаюсь... Мыться, мыться, быстрее, быстрее в душ.

Ви: (смеется, лезет в карман): Щяс мы проверим в соннике. Чтобы это могло означать – озеро стоящих хуев...

Са: Это, видимо, все вот это насилие... насилие над женщинами на войне. Да и не на войне... На войне это просто принимает другой масштаб. Тут же еще безнаказанность. Полная...

Све: Кстати, вы вот когда рассказывали... в самом начале... ну, в общем, я промолчала. Думала, зачем это все... Воот... А сейчас, конечно, после всех этих ужасов... это уже наверно и неважно...

Же: Ты про что?

Све: Про то самое. (замолкает) В общем, у меня «опыт» был... в десять лет.

Ви: Да ладно!

Све: (кивает) Есть такой в Москве Музыкальный театр юного актера. Где артисты дети играют на сцене с профессиональными актерами, у нас было свое помещение, свой зал, на наши спектакли продавались билеты. И в общем, я даже не помню, когда это началось, ну лет в десять, десять с половиной... и как-то я сначала все это воспринимала, ну мне казалось, что он как бы поощряет и восхищается впервую очередь моим актерским дарованием, что я там стала его любимицей, я играла главные роли...

Са: Он это кто?

Све: Художественный руководитель этого театра. И тут он мне приносит книжку «Лолита». Набокова. И прямо вот настоятельно просил меня ее прочитать. Потом у нас, например, заканчивалась репетиция и он меня стал провожать домой. Причем это было очень странно – я помню, как мы едем в метро, а он мне чуть ли не во весь голос читает стихи. Ну очень странное поведение, учитывая, что рядом с ним стоит десятилетняя девочка.

Кри: А сколько ему было лет?

Све: Ну... это можно посмотреть в Википедии, но я думаю, что так... за сорок пять, сорок шесть...

Ви: Вот так вот.

Све: Ну да, достаточно большая разница в возрасте. И в общем да, он меня провожал до дома, потом возле подьезда там... ну вот как ведут себя влюбленные мальчики, только это не мальчик – это взрослый дядька. Но как бы первое время он особо себе ничего не позволял, там обнимал, целовал меня в губы, но, слава богу, пока без языка. Потом он стал меня возить в гости к своим друзьям. И где-то там в лифтах, когда никто не видит, он уже целовал меня по настоящему. С языком. Целовал, трогал...

Кри: А ты что?

Све: А я? Слушай, я настолько была в каком-то недоумении и ужасе от того что происходит... что я просто сомкнув рот вот так вот стояла. Ну я как бы не отвечала, ясное дело, но ему особо это и не надо было, может и еще больше заводило. В театре там мог где-то проходя мимо затащить в кулису и начать обнимать, целовать. И не помню вот с какого времени это повелось, ну, видимо, многие дети далеко живут, и мы стали оставаться на ночь в театре. Ну как бы вот там сцена, мы стелили маты, он ложился посередине, брал меня, чтоб я ложилась рядом с ним, и вокруг еще кучка детей.

Са: Кошмар.

Све: Ну я так понимаю, я была не одна. После меня была еще одна девочка, когда мне уже было лет четырнадцать...

Кри: Ты уже была взрослая...

Све: Да, я взрослая стала. И еще потом была одна... Я так понимаю, что многие об этом знали или догадывались, но делали вид, что ничего не происходит. У нас же было достаточно много взрослых педагогов...

Же: А все ограничилось тем, что он тебя целовал?

Све: Слушай, я даже не знаю, как это мягко сказать... Самого полового акта... вот все прелюдии были, но самого полового акта, слава тебе господи, не было. Один раз такое было, это мы поехали к его другу, а его друг, он оснаватель и директор довольно известного в Москве лицея. И у него на цокольном этаже школы был детский бассейн и маленькая сауна.

Са: В школе?

Све: Ну да. И вот когда мы поехали туда, в этой бане... да, он засунул в меня палец. Но это было один единственный раз.

Кри: А ты маме не говорила?

Све: Нет, моя мама до сих пор об этом ничего не знает, родителям я не говорила... эту историю не знает вообще никто и я буквально там года три назад об этом вот рассказала мужу. Ну там... без подробностей. Да, меня это все безумно тяготило, но у меня просто после этого много чего было, что касается сексуального насилия, как бы оно у меня было и не один раз, но это было потом и это были совершенно другие люди...

Ви: Даже не один раз?

Све: Два раза. Но это уже были изнасилования. Настоящие.

Кри: А что тот? Он жив еще?

Све: Да более того, он и сейчас худрук этого театра. И щяс у него свой курс во ВГИКе и он еще стал депутатом пару лет назад.

Же: В госдуме?

Све: Да, он сейчас в правительстве.

Же: Офигеть.

Све: Ну это все как бы такие базовые вещи до двадцати лет. Почти каждая из нас все это прошла и уже на фоне этой войны, всех этих ужасов... Ну как бы... Спасибо, что только так. Что не убили.

На: Ну слушай, нет, это по-прежнему... поверь мне, я вот слушаю и у меня аж мурашки по коже. И слава богу, что это так, одно зло не отменяет другое, каким бы большим оно ни было. А тут еще как бы и корни, из чего выросло это большое. Ну вот вам - он же теперь еще и в правительстве.

Пауза

Све: Прости, мы тебя перебили. Ты сон начала рассказывать...

На: Да... и это, кстати, про то же самое. Ну или не тоже самое, я уже сама запуталась...

Же: Да все про то же. Тоже самое.

На: Ну в общем это вот сон, в котором я летаю и который мне сниться вот всю мою жизнь. И вот я вылетаю и вижу этот свой город, а он такой зеленый, но не лето, а скорее ранняя осень, листья уже желтеющие и как черное такое, как плесенью затягивает окраины города, ну вот рассказываю как помню, как будто какая-то выжженная земля. И я оттуда из под облаков лечу вниз, где еще невыжженная земля и начинаю спрашивать, что происходит, почему там как бы все уничтожено.

На: А мне говорят, что типо там то-ли болезнь, то-ли что, но не говорят «война». Я говорю, так а кто все это устроил? И мне показывают на гору. Там, получается, прямо вот на границе, где эта черная плесень, храм стоит. И говорят, вот там - Главный. А храм, я потом вспомнила, откуда он мне отпечатался: есть известный православный храм, военный, там это сатанинское...

Све: Да! Сатанинское логово. Там где... Сталина эти иконы...

На: ...и вот он очень по атмосфере похож. И я захожу туда, и тишина, полумрак, какие-то вот только лампады и красный такой свет по углам, как глаза. И там где-то на аналое я вижу силуэт человека, который стоит на коленях и как бы обращен к этому алтарю, а там просто бесовские какие-то образы. И я начинаю: «Эй, эй, послушайте...» Я понимаю, это вот он виноват. И он поворачивается... И это Путин!

Все смеются.

На: И я начинаю его бить. Бить его просто в лицо, хочу добиться крови. А от него как бы все так (пальцами мнет себе щеки), весь ботокс отстает, а я хочу мяса. Я просто понимаю, что эта вся выжженная земля – это все он. И я его бью, бью, думаю, пока не добьюсь крови, я не успокоюсь. И что-то там с него полилось и у него вот так шух (руками проводит по щекам), как у Вия... выровнилось и какая-то кровь, я вижу подтеки какие-то, как зубы выбиты. И я смотрю на него и мне его так жалко. Вот как сыночка, родненького. Ну то есть, я выбила вот эту бесовскую какую-то хрень...

Све: (саркастически) Хороший сон.

На: И я проснулась, говорю мужу, как мне этого Путина было жалко во сне. Он такой: «Что?!» То есть вот это переключение от какой-то ненависти, вот просто разорвать эту плоть, до того, что вот прямо: «сыночек, миленький, как же это...» Ну я увидела какое-то живое существо и вот жалко стало, прям аш сердце кровью облилось.

Все смеются.

Ви: (смеясь) Не знаю... я бы продолжила. Не остановилась.

На: А я считаю, что если мы все обесчеловечимся, то... это будет победа зла. И я по-прежнему, хотя я понимаю, что уровень несправедливости и жестокости просто какой-то космический, но я не могу допустить у себя вот это. Очень странные чувства: вроде бы, кажется, взял бы их всех, собрал и уничтожил. А с другой стороны, ты понимаешь, что это не выход. Это как мы расстреливаем убийц, и убийц не становится меньше на планете.

Пауза

Са: Послушайте, а мы же забыли сон Анны.

Же: Какой? Про часы?

Са: Нет, вот тот повторяющийся. Который у нее с детства. Мы же его не досказали.

Ле: Точно. Это когда она уже в Мариуполе...

Же: Ну тогда это надо сначала, так просто не склеится.

Кри: А дайте тогда и нам. Ну хотя бы побробовать, это ж блин главная героиня.

Ви: Да, кстати, вы ее такую зрелую сделали. Вообще такую – матюр. А она же вообще ребенок. Ей двадцать девять.

Све: Угу, ребенок... Такое пережить.

Ви: И все равно... двадцать девять. Она же от этого не стала старухой.

Же: А кто этот монолог начинал?

На: Я, естественно. Мистическое – мое направление.

Са: Но ты его начинала и сама же заканчивала. А это как бы не честно. В самом финале...

На: Но если так выпало...

Са: У тебя только что монолог был на пять страниц.

На: Но это же мой монолог. Он мне приснился...

Све: Ну да ладно тебе, не жадничей.

Пауза

На: В детстве мне часто снился один и тот же сон. Вот из той серии - повторяющихся.

Са: (перебивает) А это разве не мое? Как бы детство...

На поворачивается к ней.

Ви: (перехватывает) Что я бегу по войной разбитому городу и кричу, кого-то зову...

Кри: Но кого, я не понимаю.

Ле: Этот кто-то всегда был без имени.

Же: А потом этот сон исчез.

Са: Я выросла и его долго не было.

Све: И вот буквально за неделю до нашего выезда он мне снова приснился.

Ви: Только теперь я уже звала Мантаса.

Кри: Я четко кричала: «Мантас».

Ле: Перед тем как проснуться.

Же: И вот когда я уже была в Мариуполе.

Са: Когда я искала Мантаса.

Ви: И крутилась возле этих штабов.

Све: Кто-то из солдат мне сказал, что видел гражданского.

Кри: В синей куртке и с рюгзаком.

Са: Что он где-то вот там проходил.

Ле: У передовой. За домами.

Же: И я побежала туда.

Ви: И вот где-то там за углом блеснуло мне что-то синее...

Све: А может мне померещилось.

Кри: И я кричу: «Мантас».

Са: Я бегу и кричу...

Ле: Мантас!

Же: И в этот момент я вдруг понимаю...

На: Что я попала... в свой собственный сон.

Титры

Спустя несколько дней Яна Шульга с сыном и мамой на эвакуационном автобусе смогли выбраться из окупированного Бердянска. Сегодня они живут в Швейцарии. Яна по-прежнему мечтает вернуться в Мариуполь - город, в котором она родилась и провела всю свою жизнь, встретила и потеряла мужа Михаила Шульгу.

Анна Белоброва вместе с телом Мантаса Кведаравичюса тайно вывезла и весь ими отснятый в Мариуполе материал, из которого за рекордные сроки в Париже был смонтирован фильм «Мариуполь-2», премьера которого состоялась на Каннском кино фестивале.

“Screendaily” о фильме: «Мы можем применить известную фразу Ханны Арендт назвав то, во что углубляемся, «банальностью войны», увидеть, как повседневная жизнь протекает в невозможных условиях».

“Variety”: «Ты видешь мелочи и чувствуешь их – как жилось во время войны, такого не увидешь на CNN».

После Канн Анна улетела в Афины - город, в котором они планировали жить и где остались их общие вещи. Она собирается продолжить работу Мантаса: вернуться в Уганду и там закончить сьемки его сай-фай фильма «Гома».

За пять лет их «невозможной» любви Мантас создал Анну, какая она есть сегодня, и сам же в ней поселился.

Конец